

ХЕЛЬГА ВОДЖИК

АРХИВ ТИРХА
КОГОТЬ КУЛУФИНЫ

Том 2

Песок Мэйтару

Хельга Воджик

**Архив Тирха. Коготь
Кулуфины. Том 2**

«1С-Публишинг»

2023

Воджик Х.

Архив Тирха. Коготь Кулуфины. Том 2 / Х. Воджик — «1С-Публишинг», 2023 — (Песок Мэйтару)

Хельга Воджик (Helga Wojik) — творческий псевдоним популярного художника-иллюстратора. Она известна в основном благодаря созданию коллекционных карточек для западных издательств, в том числе таких знаменитых компаний, как Marvel и DC Comics. Со временем Хельга Воджик решила, что для создания её собственных авторских миров графической новеллы недостаточно, и стала не только рисовать, но и писать. Так появилась книга «Аббар. Пепел и крылья», вышедшая в издательстве «Эксмо» с иллюстрациями автора. Повесть «Монстры под лестницей» была написана Хельгой Воджик для литературного конкурса детской и подростковой фантастики «Территория F» и принесла автору победу. Представляем двухтомник книги, которая имеет непосредственное отношение к миру Аббарра и является приквелом романа «Пепел и крылья». Архив Тирха — таинственный оплот Эпохи Легенд. Лабиринты коридоров скрывают древние секреты. Ловушки хранят могущественные артефакты. Тайники полны утраченных знаний. Говорят, когда-то давно именно там, у подножия Белых Гор, состоялась решающая битва за мир: Свет и Тьма схлестнулись друг с другом, призвав на свою сторону порождения Пламени. Но так ли это? Клыкарь и Ашри получают заказ на Коготь Кулуфины — артефакт предводительницы бистов, чудовища, некогда бывшего дочерью самого Орму, которая переродилась в Бездне и получила прозвище Тьма Мира... Но кто поверит во все эти сказки? Добраться до оазиса, разгадать загадку, достать реликвию и получить увесистый кошель золота! Идеальный план и дело на пару кварт дней! Наши герои не могут упустить такой шанс. Но в исполнении любого идеального с виду плана что-то обязательно пойдёт не так... Автор обложки Хельга Воджик

© Воджик Х., 2023
© 1С-Публишинг, 2023

Содержание

Глава 16. Переход	11
Глава 17. Най-Тиарах	21
Глава 18. Черная Птица Тлаан Арх Нуун	33
Глава 19. Обмен и поиски	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Хельга Воджик

Архив Тирха

Коготь Кулуфины. Том 2

Давным-давно, когда песок был горами, боги ходили среди смертных и, вмешиваясь в их дела, доставляя немало хлопот. Они делились опытом с юным племенем, обучали способных и искренне восхищались своими творениями. В то время магия и технология были едины, слово рождало Пламя, а Пламя становилось формой. Мир был плавен и текуч, подчинён мысли и воображению – бескрайние земли, помноженные на вероятности.

Это была заря эпохи легенд, чьи закатные лучи породили небывалых монстров и героев. Свобода воли расколола мир – родились пророки и новые боги, реки изменили русла, и мысль породила новую мысль. Стирались под поступью времени горы, крепили культы, и адепты их сталкивались друг с другом. Всё глубже разум смертных проникал в суть Силы. Как термит прогрызал камень, пытаясь достигнуть основы основ, так тхару вгрызались в знания Древних, постигали их артефакты и машины, изменяли их, пока вновь не открыли врата Хаосу.

И последней битвой в войне Тхару и Дартау стала Тир А'Рах – битва за оплоты, навсегда изменившая лик Мэйтару.

Скверна пришла из белых Песков Безмолвия, поднялась из недр Бездны и накрыла мир волной скорби и боли. Порождения Гаара, поднятые алым пламенем и рождённые в чёрном мороке Иной стороны, вышли из костяного песка и не ведали жалости. Они обращали в руины оазис за оазисом, вселяли ужас, ломали тела и души. Вспыхивали искры, и перерождённые бисты вставали на сторону врага.

Воинство Хаоса, подобно бурной реке, не только сметало на своём пути малые селения, но и сокрушало Великие Оплоты. Пал лучезарный Имол, потерял брата-близнеца золотой Страж Борума, выжжены были сады лазурного Азура. И вот перед последним рубежом, белым цветком Аббарра, осталась лишь единственная преграда – Архив Тирха, пристанище мудрецов и книгоцеев, дом знаний, хранилище былого. Место, где покоились забытые технологии и легендарные свитки Древних. Там руны магического письма не утратили смысл и всё ещё мерцали потаённой силой, а Пламя переливалось всеми цветами, замирая на перекрестье пространства и времени.

Южный рубеж Тирха – Оратус, Башня Журавля – сгинула в песке под пятой Гаара. Камень её наполнился мороком, шёпот которого сводил с ума, скверна вытягивала жизнь, и жажде той не было придела. И вот орхи уже неслись на север к городу в тени Энхар, к клубку лабиринтов Архива, вырубленных в скалах. Последняя преграда: неприступная крепость, ставшая ловушкой, из которой нет выхода.

Страх сковал тех, кто нёс дозор на галереях Архива – надвигалась песчаная буря, в которой тонул сам Орг. Алым тусклым шаром плыл он внутри клубов золотого и белого песка, внутри чёрного пепла и всполохов огня.

Накануне последний совет собрался под светом Алого хронографа в Башне Орму, и было принято решение: дать бой за стенами Аббарра, выпустить мощь Древних и заманить врага в лабиринт, уплатив самую великую цену – жизнь за жизни.

Псы Интару встали бок о бок с воинами Золотого цветка, Хранители Пламени сняли защитные браслеты, освободив потоки Пламени. Звякнули засовы клеток, и лаборатории выпустили химер, чей разум был сплавлен с их погонщиками, и чья жизнь была разделена на двоих. А с неба спустились серебристые кайрины, покинувшие гнёзда на вершинах Энхар. И один глаз у каждого из них был синий, как огонь Азура, а второй – золотой, как Искра перерождённых, но ни разу они не принимали ни чьей стороны до сих пор.

Это были последние воины континента. И среди них – младшая дочь Орму, лучезарная Р’хи, позже прозванная Наак, что значило «свет». Свет надежды. И единственное, чего она жаждала – уничтожить королеву куфов, свою старшую сестру Кулуфину, прозванную Дархи Ортхару, что значило «Тьма Мира», «Пожирательница Солнца».

Преданная семьей, спасенная старым воином, вскормленная Хаосом и перерожденная в пламени Бездны, Кулуфина была столь ужасна и могущественна, что спустя года и эпохи ею

все ещё пугают детей. Полу-эльвинг: красавица с чёрными как ночь волосами и белой кожей, искрящимся взором фиалковых глаз и тонкими чертами лица; полукуф – безобразный панцирь и восемь ног со смертельными лезвиями когтей. Когда её Искра вспыхнула, мир содрогнулся. Из янтарного Пламени вышла Дархи Ортхару, гигантская паучиха, чей яд плавил сталь. А вместе с ней из недр Дартау пришли куфы – чудовища под стать своей госпоже.

Ужас, явившийся в Тхару, сметал всё на своём пути. И так вышло, что последней надеждой мира стала упрямая Р'хи, ослушавшаяся завета отца, тайно взявшая меч, выплавленный из серебра звёзд и украшенный рубином с живым пламенем Варме. Когда пали многие, она одна вышла против Королевы Куфов и вызвала ту на бой, преградив путь в Зал Семи Лун.

Но прежде пустыня вволю напилась крови. Багряные лужи сверкали в лучах восходящего Орта. Мэй сполна утолила жажду: ни одна капля не могла больше пройти сквозь песок. Поле битвы накрыл розовый туман. Запах смерти и железа наполнил лёгкие тех немногих, что выжил. А когда растаял и он, то развеялись орхи, исчезли монстры. Воцарилась звенящая пустота, и живые услышали в ней песню без единого слова. Она заполнила сердце каждого и вытеснила бушующую ярость. Слезы текли по щекам воинов, оставляя в сердце скорбь и призрачный надежды.

Две сестры исчезли в лабиринте Тирха, и ни одна не вернулась назад. Говорят, там, в глубине белых обрушенных коридоров, в сплетении ходов и под арками величественных залов, они все ещё сражаются друг с другом. Р'хи Наак защищает запертые Врата, до которых стою квартал залов, а Кулуфина пытается пройти их и вновь открыть портал. Раз в семь лун сёстры вступают в бой. И когда побеждает Наак, тогда оазисы благоухают, урожай радует, а море приносит щедрые дары. Но иногда Кулуфине удаётся взять верх и продвинуться вперёд. Тогда Мэйтару сотрясается от бурь, дрожат горы, скверна ползёт по Тхару, портя урожай или вызывая хворь. Но пока силы сестёр равны – миру не грозит беда.

За века многое стёрлось и переписалось в той легенде, но главное осталось.

Память.

Сказки нужны, чтобы помнить. Не забывать о Зле побеждённом и о цене, которую пришлось заплатить за эту победу. За мир, за жизнь, за то, чтобы звучали песни и текли истории, чтобы монстры являлись лишь в старых легендах, а каждая ночь заканчивалась восходом и началом нового дня.

Наак Тир А'Рах.

Свет, рассекающий тьму. Битва, которой нет конца.

Золотые монетки-медальоны со сверкающим мечом Мирг Ар'Каар и надписью на древнем наречии бистов – их все ещё носят на груди воины и складывают на алтарь Мэй, закончив свой дозор. И всё ещё в глубинах земли и миров бродят монстры, ожидающие, когда королева вновь призовет их. Но будет ли у Тхару герой, подобный Наак, который не даст миру пасть?

Глава 16. Переход

– Победа измеряется кровью и жертвой. То, что пришло легко, за что не была уплачена цена столь высокая, исчезает в песке памяти, не оставив ни малейшего следа. Но самая малость, пропитанная потом и слезами, рубцом прочерченная на теле или душе возводится на алтарь достижений, будь тот алтарь в центре столичного храма или внутри сердца. Жертвенность порождает поклонение и кормится новой жертвой, сияя в ореоле величия и стыда. Стыд тех, кто воспользовался благом, не покупая его, яростно жаждущих совершить подвиг и ещё сильнее молящих, чтобы свершать его не пришлось. Мы любим платить, чтобы обозначить ценность. Но вместе с тем сомневаемся в значимости преподнесённого в дар, даже будь перед нами величайшее из сокровищ. Бла-бла-бла...

Ашри устало опустила книгу на колени и привалилась к плечу Грва:

– Это похуже морока Оратуса! – элвинг шумно выдохнула и, уперев подбородок в плечо друга, спросила: – Этим бумагомарателям поговорить было не с кем?

Клыкаръ пожал плечами:

– Простому уму, алчущему лишь наживы, не понять вершей¹ мыслителей.
– Верш – это что? – Ашри почесала затылок, напустив самый серьёзный вид.
– Ловушка для рыб плетённая, верша, – объяснил Клыкарь.
– И что в ней непонятного, кроме названия?
– Это – образное сравнение, – Клыкарь поёрзал и перевернул страницу, вглядываясь в текст. – Мыслитель – как рыбак, книга – как ловушка, слова – переплетённые прутья, а читатель – жидкомозглая рыба.

Ашри прыснула, долго смеялась так, что аж слёзы на глазах выступили.

– Дурное влияние, однако! – хихикнула элвинг, подмигивая. – Чего доброго, сам скоро начнёшь плести слова в узоры.

– Не переживай, как вернёмся в Аббарр – проведу обряд очищения в секторе Син, – хитро улыбнулся Клыкарь и сунул в руки Ашри новую книгу.

– Что мы ищем? – обречённо вздохнула элвинг.

– Подсказки!

Клыкарь крутил перед носом потрёпанный фолиант, время от времени встряхивая, словно хотел вытрясти эти самые подсказки со страниц.

– Мы здесь уже третий день и ничуть не продвинулись! Только набрали этих пыльных книг!

– А чего ты ждала в месте, которое сотни лет знаменито своими заучками, книжными червями и, собственно, книгами? Нам повезло, что Саад состоит в родстве с библиотекарем, и не надо отсиживать зад на каменных скамьях читального зала.

– Да, небывалая удача, – хмыкнула Ашри и отложила книгу. – Хотя, пожалуй, стоит выйти, а то в этой коробке я скоро совсем захирею.

Элвинг встала, потянулась. Ноги и спина затекли от постоянного сидения. Чтобы хоть как-то размяться, Ашри прошлась, чувствуя себя запертой в клетку. Они расположились в небольшой комнатке, где из мебели только и было что топчан, неказистый стол с ящиками, стул да картины на стенах. И вот теперь ещё и книги. Свитки, карты, фолианты – всё, что позволялось выносить из читального зала. Добрый друг Саада, смотритель одной из библиотек, по заверению Клыкаря несказанно обрадовался интересу путников – старой легенде о двух сёстрах и лабиринте Тирха.

Ашри остановилась напротив одной из картин: изогнутые линии вблизи походили на изрезанную ножом разделочную доску, а стоило отойти на несколько шагов, как рисунок ожидал, превращался в пустыню и горы, бредущий караван гваров и парящих в небе птиц. Эта метаморфоза всегда восхищала элвинг, словно волшебные чары, маленькое окно в иной мир.

Клыкарь оторвал взгляд от страниц и вопросительно глянул на напарницу.

– Надеюсь прийти, увидеть и спереть, – ответила на его немой вопрос Ашри и оскалилась. – А здесь даже прилечь негде.

Задержка в Оратусе обернулась катастрофой. Все постоялые дворы оказались переполнены – они попали на какую-то местную ярмарку или собрание, поди разбери этих местных. Приготовления шли полным ходом: ставились шатры, разбивались палатки, воздвигались немыслимые конструкции. Даже песчаные бури не останавливали вновь приезжающих. Ашри тщетно пыталась припомнить, какой праздник колеса Орта грядёт, но туман Оратуса, склеивший мысли в вязкий ком, мешал этому. Оказалось, что Башня Журавля держала их в плену несколько дней. Сколько – Грав и Ашри так и не смогли понять, но с момента, как они покинули Аббарр, две кварталы раз всходил Орт.

– Опять слабость? – участливо спросил Грав, откладывая книгу. – Поспи, а я пока отнесу те, что мы уже просмотрели.

¹ Грав умышленно использует старую форму множественного числа.

– Чем быстрее найдём, тем быстрее... – Ашри запнулась, потеряв мысль, – найдём. Клыкерь пристально взглянул на неё и кивнул.

– Мысль верная, но над формулировкой стоит поработать. Вот держи, – он протянул книгу и улыбнулся: – С картинками.

– «Перекрёсток миров: сказки старого ворона. Легенды о героях, чудовищах и подземельях, собранные и записанные Каваяном Ваархиру», – прочла заголовок Ашри и провела по руне Тирха, что делила обложку, как пирог, на четыре куска. В животе заурчало. – Кажется, я уже по горла сыта пищей духовной, – заворчала элвинг. – Пора и о простом земном, пузном подумать!

Вот уже два дня они только и делали, что листали книгу за книгой – сначала карты и планы Архива, затем заметки об устройстве стен и ходов, и вот, отчаявшись, обратились к сказкам и легендам о Тирха. С таким же успехом они могли искать следы на песке в бурю.

Да ещё эта комната, с крохотным окном под скошенной крышей – как конура, больше похожая на темницу. Здесь даже умывальника и отхожего места не было – всё в общем коридоре.

Ашри положила книгу на стол, наполнила две кружки из холодильника водой и протянула одну Граву.

– Да, – кивнул он, делая глоток и не отрывая взгляда от страниц. – Для меня это тирхское оживление тоже стало неожиданностью. Но нам повезло, что хоть эту комнату удалось занять, и то благодаря гостеприимству Саада.

– Нам вообще страшно везёт с самого начала этого дельца, – криво улыбнулась Ашри, покопалась в сумке, достала полоски вяленого мяса и предложила другу. Клыкерь не отказался.

– Ладно, – вздохнула элвинг. – Давай посмотрю, чего этот ворон написал, пока ты ходишь. «Как там Эб?» – мелькнула мысль и тут же растаяла.

Эти книги не кончались. Стоило им просмотреть стопку, как её место занимала новая, и так раз за разом. Ни в одной не было и намёка на то, где искать вход в каменный лабиринт! Но, по крайней мере, сейчас у них была хотя бы призрачная зацепка. Зал Семи Лун – место, где по легенде ведётся вечная битва двух сестёр. Напарники прочли о нём в фолианте, что дал заказчик, и теперь искали любое упоминание этого места, хотя бы намёк, как добраться, откуда начать путь. Но все прочие летописцы и сказители будто и не знали об этом Зале! Или же специально молчали?

Кроме того, Клыкерь был прав – им действительно повезло оказаться на пути Саада, который всего лишь следовал за ночными тариями.

* * *

Каждый шаг словно отдалял произошедшее в Оратусе. Ашри брела следом за Клыкерем к дрожащим от марева пикам Энхар. Горы будто не приближались – всё так же блестели призрачной белой лентой, вгрызаясь в вылинявшее небо. Вода почти закончилась, как и слова. Язык прилип к небу, стал шершавым и неповоротливым. Песок менялся, становился плотнее, и вот они уже шли по твёрдой, как камень, поверхности, рассечённой паутиной трещин. Чёрные ломаные полосы шириной с ладонь, а иногда и больше, змеились со всех сторон. Стоит оступиться – угодишь в них и подвернёшь ногу.

Пару раз Ашри чудилось, что она видит в этих зазорах меж твердью некое движение, мимолётный блеск чьих-то глаз. Она не хотела выяснять чьих.

Орт палил нещадно. Перед глазами то и дело плясали белые мотыльки, иногда их становилось так много, что разум плавился, реальность исчезала.

Пришлось укрыться под валуном. Переждать. Добраться до следующего, укутаться в тень, спасаясь от зноя, вдавливая тело в камень, ища хоть толику прохлады.

Клыкарь молча протянул флягу – ту, чужую, с запахом цветов. Ашри сделала глоток, и на краю сознания удивилась, что ещё способна ощутить вкус. Она смотрела в бесконечность пустыни. Чем ближе к Энхар, тем больше обломков – костей стражей Интару или их клыков, вгрызшихся в тело Мэй.

Элвинг на миг закрыла глаза, а когда открыла, Орт уже лениво тянул кровавые копыта лучей по песку. День клонился к закату. Силы таяли. Вода закончилась. Если они не доберутся до селения к заходу луны, то не доберутся никогда.

Вновь разбитые плиты песка, шаги и камни.

Не останавливаться, идти.

Вдруг Ашри замерла и прищурилась, всматриваясь в удлиняющиеся тонкие тени, что ползли, как змеи, в её сторону. Клыкарь не успел опомниться, как элвинг, вскрикнув, рванула в сторону, к ближайшим камням. Грав оглянулся, потянулся к топору, не обнаружил того, от кого могла бежать напарница, и вгляделся в вечерние тени, к которым та неслась.

– Орхи тебя, – сипло прорычал Клыкарь и кинулся следом.

В пятидесяти шагах восточнее, среди вздыбленных плит пустыни торчали узловатые толстоствольные растения с безобразными буро-зелёными наростами и яркими розовыми цветками на верхушках. Ашри видела такие! В том самом справочнике, который подарил ей Клыкарь. Волдырник – спаситель путников! Коряги с шариками-узелками, саргами, наполненными соком, немного вяжущим, но абсолютно безвредным. Буквы статьи плясали перед её глазами, сердце билось, как горох о стекло. Ей казалась, она даже чувствует вкус растения, которого никогда прежде не видела. Прохладная живительная влага скатывалась по горлу, возвращая силы и надежду. Мираж сладким коконом окутал мысли элвинг.

Десять шагов, пять...

Она уже протянула руку, чтобы сорвать один из саргов, как Клыкарь ухватил её за запястье и резко дёрнул назад, так что они оба, отлетев, повалились. Ашри зашипела от злости, потёрла зашибленную руку и начала брыкаться, отплёвывая песок и ругательства.

– Да успокойся ты! – Грав скрежетнул зубами у самого её уха, обхватив элвинг руками, как змея кольцами – ещё немного и кости хрустнут. – Медленно поднимайся и отходи назад.

– Это ж волдырник! – яростно прорычала Ашри. – Нам нужна вода!

– Это *не* волдырник, – раздражённо рыкнул Грав, поднялся на ноги и рывком дёрнул элвинг. – Прекрати брыкаться, пока они не проснулись, – бист повёл ушами и процедил. – Поздно...

Ашри обернулась. Ветка уродливого деревца изогнулась. То, что казалось цветком, превратилось в зубастую пасть и издало пронзительный свист. Куст рассыпался на части и затрепал.

Ашри вытаращила глаза и инстинктивно отпрянула, так что Клыкарь вновь рыкнул.

– Медленно, без резких движений, – он отпустил её руки. – Пока остальные не пришли. Остальных Ашри ждать не хотела и отступила на шаг.

Вместо куста волдырника перед ней ощерилось нечто – тварь размером с крупную собаку, вытянутая, как толстая короткая змея, четырёхпалая и сплошь покрытая водянистыми пузырями. Морда опущена, оскал обнажает ряд острых, как иглы, зубов, крохотные алые глазки почти неразличимы среди наростов, хвост поднят, и на его конце подрагивает чешуйчатая колотушка, издавая треск, как погремушка, наполненная полбой.

– Что за отродье Гаара? – прошептала Ашри.

И словно сама пустыня ответила ей. Песчаные плиты вздрогнули, из недр раздался протяжный свист и шелест, и вот ещё несколько узких отвратительных морд показались из трещин в земле.

– Это гремучник, – шепнул Грав.

– Съедобный? – Ашри попыталась улыбнуться, отчего пересохшие губы треснули, и она ощутила солоноватый привкус.

– Только один раз.

Гремучники не собирались отпускать так кстати пожаловавших к ужину гостей. Все новые твари выползали из расщелин в камне и присоединялись к какофонии треска и свиста.

Элвинг увидела, как Грав потянулся к сумке:

– Когда скажу «беги», – прошептал он, замахнулся, швырнул свёрток в гущу гремучников и крикнул: – Беги!

И они побежали.

Неслись так, словно за ними сам Гаар гонится, чудом не угодив в трещины под ногами, не свернув шею. Они остановились, только когда перестали слышать треск и свист, упёрлись руками в колени и судорожно глотали ещё неостывший воздух.

– Это был наш обед? – Ашри вспомнила о брошенном напарником свёртке, опустила на землю и лишь теперь почувствовала, как же она смертельно устала.

– Лучше он, чем мы, – Клыкерь сделал шаг к ней и протянул руку. – Вставай. Если сейчас остановимся, то уже не поднимемся.

И они вновь побрели на север. Трещины в земле сменились каменными кочками, почти идеально круглыми. Ашри старалась не запнуться о них, но они, как назло, всегда оказывались на пути. Иногда девушке казалось, что эти камни живые, и что это не она идёт мимо них, а они ползут вокруг.

Грав поймал какую-то мелкую живность, разорвал пополам, предложил Ашри, но элвинг лишь качнула головой. Её мутило, пальцы на левой руке зудели, покраснели и горели огнём – наверное, падая, она стесала их о камень и занесла заразу.

Жара отступила, дав короткую передышку, но вот уже следом за ней подкрадывался холод.

Песок мерцал в свете луны – тонкая вуаль крупинок поверх бесконечных плит, покрытых наростами.

Ашри замерла, уставилась на свои ноги, которые вдруг одеревенели и казались чуждыми, как и все тело. Она хотела окрикнуть Клыкерь, но не смогла.

Грав повернулся, сделал несколько шагов назад, встал перед Ашри и погладил по плечу. Он словно прочёл её мысли и покачал головой:

– Если остановимся и уснём, то не проснёмся.

Элвинг кивнула и пошла дальше.

Но, видимо, в какой-то момент её дух всё же упорхнул из усталого тела и отправился бродить по путям снов меж временем и мирами. Она видела белые крылья и чёрный пепел, мальчика у золотого фонтана и монолиты, сияющие всеми цветами...

Первый раз Ашри очнулась под россыпью сверкающих огней в чёрной бесконечности ночи.

«Лишь звёзды неизменны», – прошелестел песок.

Но элвинг не узнавала созвездия, просто плыла в пелене их света. Тонкая нить всё ещё связывала её с Тхару. Ашри ещё помнила себя и ощущала ледяной холод с одной стороны измученного тела и тепло – с другой, с той, где её поддерживал Грав. Вот бы он никогда не отпускал её...

Второй раз сознание вернулось, и Ашри почувствовала на лице что-то липкое, тёплое и влажное.

Открыв глаза, элвинг увидела клыки и лохматую морду. Пахло псиной и дымом.

* * *

Пустоту разорвал терпкий запах трав. Кто-то поддерживал её и настойчиво пытался напоить.

Ашри открыла глаза. Прямо перед ней оказалась деревянная пиала, наполненная вязкой коричневатой жижей. Сморщившись от боли, пронзавшей голову точно сотни иголок, элвинг перевела взгляд на того, кто держал это пойло. Перед ней был Клыкярь. Он что-то говорил, но слова глохли в гуле толпы упорных кузнецов, забивавших те самые иглы в её черепушку.

– Давай, пей, – наконец-то разобрала девушка и, взяв пиалу, ощутила тепло кончиками пальцев.

После нескольких глотков горькой отравы Ашри закашлялась и, поморщившись, захотела вернуть пиалу, но Клыкярь остановил её. Убрал упавшую в отвар прядь волос, заправил напарнице за ухо, и, погладив элвинг по спине, сказал:

– Станет легче, но надо выпить всё.

Задержав дыхание, Ашри опрокинула всю порцию внутрь себя и, зажмурившись, вернула опустевший сосуд. Открыв глаза, она увидела улыбающегося Грава, а после с удивлением заметила, что её левая рука замотана бинтами. Каждый палец был тщательно обвязан полосками ткани, из-под которой торчали какие-то травинки и просачивалась вязкая мазь.

– Плевок гремучника, – Клыкярь покачал головой и нахмурился. – Поэтому тебя так быстро вырубил. Надо было сказать.

– Я не знала, – слова звучали чуть громче дыхания. – Думала, о камень содрала.

Грав поправил одеяло, помог подняться и сесть поближе к костру. По ту сторону огня сидел огромный бист и помешивал что-то в котелке длинной палочкой. Ашри не могла рассмотреть его как следует: мешали пламя и слабость, но она ни разу не видела таких великанов!

– Это Вэл Саад, – представил Грав. – Наш спаситель.

– Благодарю Вэл Саад, – чуть слышно прохрипела элвинг. – Пусть Мэй хранит...

Голос сорвался, и она закашлялась, жутко смутившись, что даже не может подобающе поблагодарить спасителя. Клыкярь ободряюще погладил её по плечу и шепнул: «Всё нормально».

По ту сторону костра Саад кивнул, и Ашри показалось, что гигант улыбнулся. Вверх полетели несколько ровных колец дыма, а потом от спасителя отделился знатный кусок и потрусил к элвинг. Ашри онемела, но не успела вскрикнуть, как перед ней вынырнула мохнатая морда, обнажила клыки и вывалила синий язык.

– Стоит благодарить его, – голос Саада, гулкий и шершавый, был полон силы и спокойствия. – У Мэй вас забрал Нук.

– Такой огромный, – Ашри протянула здоровую руку и коснулась шерсти зверя. – Кажется, я помню тебя.

Пёс начал пританцовывать и урчать.

– Нук – отличный пастух, – в голосе Саада была гордость. – Хоть и не из самых крупных чани, но ещё подрастёт.

– Я благодарна вам обоим. – Ашри гладила пса, который устроился у её бока, пытаясь представить, каким же будет этот «щенок», когда вырастет.

– О, это все тарии. – Саад выпустил новые кольца дыма, и они поплыли вверх, смешиваясь с искрами костра. – Было бы обидно погибнуть от жажды, когда окружён сотней живых фляг.

Ашри взглянула на Грава, но тот лишь пожал плечами.

– Я вам покажу, но, – Саад поднялся и помешал в котелке, – после того как перекусим. Смотреть тарий лучше всего перед рассветом.

Саад снял с костра котелок, наполнил миски и передал гостям. Ашри заметила линии татуировок, причудливо изгибающихся на руках биста. Сам он был крепкий, высокий, в длинной накидке с узором из треугольников, полос и квадратов. Рога загнуты к затылку, волосы заплетены в сотню тонких косичек с бусинами и перьями.

– Мой прадед пас пустынных кулу, а потом мой дед и отец, – рассказывал Саад, показывая своё стадо.

Лохматые звери выныривали из тьмы, широкомордые, рогатые, с круглыми блестящими глазами. Шерсть их шёлковыми волнами падала до самой земли и переливалась в свете зарождающейся зари.

– Кулу – это сокровище, – Саад погладил зверя, пропустил его шерсть сквозь пальцы. – Они любят стирать копыта о панцирь Мэй и пастись на её полях.

– Пастись? – Ашри удивлённо осмотрелась. – Тут лишь песок и камни.

– Камни ли? – хитро улыбнулся пастух и опёрся на посох. – Смотрите.

Ночь бледнела и таяла, предметы обретали очертания, проступали, словно возвращаясь из мира грёз. Ашри и Грав с любопытством озирались, не понимая, что им нужно увидеть, пока...

Камни – круглые кочки, которых вокруг было особенно много – начали лопаться. Раздавался хлопок, и они раскрывались, как почка на дереве. Раскалывались, как орех, откидывая костяные лепестки.

Кулу от нетерпения били себя хвостом по бокам и мотали головой.

Вот из раскрытых камней начали разворачиваться побеги, толстые, как хлысты. Несколько мгновений – и безжизненная пустыня превратилась в сине-зелёный луг. Кулу опустили голову и принялись за трапезу. Мягкими губами они срывали верхушки побегов, на треть укорачивая стебли, и переходили от кочки к кочке.

– Смотрите, – Саад жестом подозвал своих гостей к раскрытому камню и осторожно раздвинул побеги. – Тарии удивительные существа.

Ашри заглянула и увидела внизу грозди бледно-зелёного цвета с полупрозрачными плодами, размером с яйцо горми.

Пастух осторожно сорвал один и положил в рот. Ашри и Грав сделали так же. Жидкость внутри была как вода, но с лёгким привкусом мускуса, удивительно освежающая.

Маленький кулу протиснулся между тхару и подхватил верхушки побегов. Малыш старательно жевал, то и дело приваливаясь боком к Клыкяру, чтоб тот почесал его за ухом. Ашри улыбнулась. Небо на востоке заалело. Прошло совсем мало времени и тарии начали закрываться.

– Им не больно? – Ашри кивнула на камень и, погладив его шершавую оболочку, попыталась поддеть, чтобы перевернуть. Но камень словно прирос к земле.

– Не больнее, чем нам стричь волосы, – пастух очертил посохом круг вокруг тарии. – Их панцирь растёт медленно, а страги, если их не срезать, начнут ломаться, тесниться и гнить. Кулу и тарии – давние друзья, кормят друг друга ещё с тех времён, когда тхару и вовсе не было в этих землях.

Ашри хотела было спросить, что же едят тарии, но не успела. Клыкяр показал ей на камень, что тронулся с места и наполз на свежую лепёшку, оставленную кулу.

– Какашки, – залыбился Грав. – Только что мы полакомились чём-то очень специфичным.

Ашри скривилась, поднялась и стала ковырять тарии носком ботинка.

– Я ещё подумал, – Клыкяр почесал подбородок, – что за весь наш переход мы не видели ни одного павшего животного или хоть костей. Никаких останков, ничьих. Пустыня чиста, словно никто тут не умирает.

Саад пожал плечами:

– Тарии – удивительные существа, – повторил пастух. – Поэтому хорошо, что Нук нашёл вас раньше, чем они.

Ашри почувствовала, как мороз прошёл по спине, и быстро отдернула ногу от живого камня.

– Они что, сожрали бы нас во сне? – шёпотом спросила она Грава.

– И были бы рады. Насчёт тебя не уверен, но я – точно повкуснее лепёшек кулу.

– Вот же ж! – Ашри легонько стукнула Клыкаря в плечо.

– А теперь нам пора возвращаться. – Саад снял с пояса тонкий костяной рожок и подул в него.

Звуки, больше похожие на кряканье, действовали на кулу магически: животные развернулись и двинулись к горам. Тех, кто замешкался, радостно подгонял Нук, которого легко можно было принять за телёнка. От кулу его отличал лишь меньший рост, бóльшая проворность и отсутствие рогов.

– Он сказал, это – чани? – шепнула напарнику Ашри, наблюдая за лохматым псом. – Это ж каким надо быть монстром, чтобы сожрать такого, – элвинг прищурилась. – Он же лохматый и вонючий...

Клыкарь непонимающе вздёрнул брови, потрогал лоб элвинг, удостоверился, что жара нет:

– По мне так, все монстры пасуют перед твоим аппетитом, – бист пожал плечами. – Но хозяйского пса лучше не ешь. Там, в котелке, ещё немного похлёбки осталось...

Глава 17. Най-Тиарах

В то утро, когда пастух и его пёс вырвали добычу из когтей Мэй, Саад угостил путников сытным завтраком, предложил им помощь и отвёл единственную не занятую крохотную комнату, которую обычно использовал как кабинет и место дневного перекура: бумаги разобрать, монеты пересчитать да камни отсмотреть. Не успел Клыкерь расспросить радушного хозяина о Тирха, как Ашри покачнулась и начала оседать. Грав подхватил элвинг и усадил на топчан.

Ашри отмахнулась, заверяя, что она в полном порядке. Но пережитое за последние дни сказалось на элвинг сильнее, чем той хотелось признавать. Клыкерь видел, как осунулось её лицо, вокруг глаз залегли тёмно-лиловые тени, да и сами глаза были тусклые, без огонька, а с пальцев не срывалось ни единой искры. Весь путь до оазиса Ашри, думая, что Грав не видит, сжимала кулак, хмурила лоб и смотрела на кончики пальцев. Но Пламя, вопреки всем стараниям, не просыпалось. Вдобавок – обезвоживание, яд гремучника и... Что произошло тогда в мороке Оратуса? Чем питался погребённый в песках ужас, и как много ему удалось выпить из вен и сознания элвинг?

– Ты не пойдёшь со мной! – рыкнул Клыкерь, устав уговаривать Ашри остаться в комнате и отдохнуть, пока он пройдёт по селению и осмотрится. – Если сама не уляжешься, я привяжу тебя к этой лежанке и заткну рот носком, чтоб не орала.

Ашри удивлённо уставилась на него, нижняя губа дрогнула. Элвинг отвернулась к стенке, свернулась в клубок и натянула одеяло до самой макушки.

Клыкерь услышал, как элвинг шмыгнула, и устыдился, что не смог сдержаться и вспылить.

– Прости, – он поднял руку, хотел было погладить Ашри по спине, но не решился. – Ты еле на ногах держишься, и я видел, как ты тщетно пытаешься вызвать пламя. У тебя нет сил идти. За несколько часов, что ты проспишь, ничего не случится. В таком состоянии ты делу не поможешь.

Грав поднялся и отступил к двери. Неловко потоптался, вслушиваясь – не единого звука.

– Я скоро вернусь – просто пройду и пригляжусь к этому местечку. Обещаю не заглядывать в харчевни без тебя, – попытался пошутить он, но вышел, так и не дождавшись ответа.

По ту сторону двери он пару мгновений колебался, глядя на небольшой засов, зная упрямство элвинг – с неё бы сталось увязаться следом. Но всё ж, хотя соблазн был велик, запереть напарницу, как зверя, будет уже слишком.

* * *

Грав нашёл Саада на кухне. Пастух не спеша потягивал вонючий густой отвар из пиалы и рассматривал через лупу небольшие цветные камни: отдав путникам свою комнату, он расположился за обеденным столом.

– Она скоро уснёт, – не поднимая головы, сказал Саад. – Я добавил в её лимру настой сонного корня.

Мягкая прохлада дома Саада обескураживала: словно за стенами не простиралась пустыня и не плавила воздух жара. Клыкерь занял стул напротив и осмотрелся. Через распахнутые ставни в комнату лился мягкий свет, по стенам развешаны пучки трав, по полкам расставлена кухонная утварь. Чудь поодаль – несколько ступеней, которые вели к очагу, где трепетало негасимое пламя. Каменный пол покрыт рогожками, на лавки накинута шкура, на одной из стен висит потёртый ковёр с растительным узором.

– Спасибо за всё, что вы для нас сделали, – Грав потёр пальцем деревянную столешницу: темно-красная, как бычья кровь, порода, дерево лаах, что росло на севере, но в сухом климате

становилось лишь крепче. Интересно, сколько десятилетий назад и откуда оно прибыло на Мэйтару, что уже успело превратиться в камень?

– Это не составило такого труда, чтоб получать так много благодарностей, – ответил Саад.

Камни перед ним были разного цвета и прозрачности, но все как один отшлифованы до блеска.

– Давно вы живёте в Тирха? – Клыкарь украдкой рассматривал узор на пальцах и ладонях Саада.

Хоть этот бист был намного старше таинственной элвинг, и в его серых, как дымка, глазах не вспыхивали искры Имола, Грав мог поклясться, что линии на их ладонях совпадают, что оба они отмечены таинственной звездой.

– С рождения, как мой отец и его отец. – Саад не спеша поворачивал камушек, и его глаз через линзу казался огромным, как у ночной птицы. – Мы называем это место Най-Тиарах, Новый Тирха. Дюжина поселений, чьи границы со временем расползлись и слились так, что не найти, где заканчивается один и начинается другой. Мой дом – в третьем кварте, у западного склона, Им-Цави-Хар – Жёлто-Алый камень. На закате увидишь.

Саад поднялся, подошёл к полкам; стукнулась глина о камень, ахнула пробка, и вот пастух вернулся, ставя перед гостем кружку с бледным напитком. К запахам трав и шерсти кулу добавился тонкий фруктовый аромат.

– А не хотелось уехать? – Грав обхватил прохладную кружку, чувствуя, как по кончикам пальцев пробирается лёгкий мороз холодовика. – Перебраться в Аббарр, подальше от развалин.

– Хотелось вернуться, – загадочно ответил Саад и пригубил напиток.

Грав сделал глоток. Вино было необычно лёгким, и в то же время обладало глубоким насыщенным вкусом. Клыкарь не удержался от похвалы напитку.

– Чистейший нектар, – улыбнулся Саад. – Не совсем то самое ледяное вино из Ахран, но явно не хуже. Душа Тиараха – сладкая, манящая, но коли превысишь норму – будешь сбит с ног и поведаешь все свои тайны, – бист сделал ещё глоток. – Как так вышло, что вы оказались в пустыне без гваров и шли со стороны, где нет ни караванных путей, ни оазисов, ни селений?

– Ненадёжные провожатые попались, – рыкнул Клыкарь. – Слияли на привале, а когда мы заметили – было поздно.

Саад кивнул.

– Стало быть, в Тирха держали путь.

– Так точно, но все караваны в Аббарре боялись угодить в орхмантиру, так что выбирать не пришлось.

– Мэй нынче несносна: крутит свой песок, пылит. Со стороны Чёрного Цветка орхи прыгают один за другим. К ночи опять обещают их приход. Но тут они, что шакалы – горазды лишь твякать. Белые псы надёжно укрывают Най-Тиарах.

Грав кивнул, радуясь, что хоть песчаной бури при их бегстве от Оратуса не было.

Саад предложил ещё вина, но Клыкарь отказался.

– Мне надо заглянуть в аптекарскую лавку. Не подскажете, где искать?

– Лекарей и травников у нас хватает. Интересует что-то особенное?

Клыкарь напряг память, вспоминая слова таинственной элвинг. Может, стоит спросить о таинственном книжнике Шаара у пастуха?

– По мелочи разное, пополнить запасы.

Пастух смерил гостя долгим взглядом, задержался на серебряном тигролке и кивнул, словно сам с собой соглашаясь.

– Лучшая лавка – у Пустынника. На его эмблеме цветок семилистника, не ошибёшься. Иди внутрь камня, держись правой стороны, у храма Белой Богини сверни налево, а там спроси у любого – укажут.

Клыккарь поблагодарил Саада и вышел за дверь. Пастух окликнул биста, предлагая указать путь, но Грав отмахнулся: даром, что ли, следопыт!

* * *

Оазис раскинулся в полукольце Энхар. Застывшие Стражи Интару ласково обнимали остатки оплота, так что благая тень хранила сотни строений и тысячи жителей от беспощадного Орта. Чем дальше от песка Мэй, тем чаще попадались кусты и деревья, мелколистные, крепкие, похожие на вытянутые тонкогорлые кувшины. Грав с любопытством рассматривал кишашую вокруг жизнь, время от времени бросая взгляд на угасшее великолепие былого. Горы впереди были испещрены древними камнетёсами и их потомками. Галереи, похожие на обнажившие своё нутро термитники, поднимались высоко вверх. Нетрудно было представить, что когда-то этот град мудрецов и искателей запросто мог соперничать в красоте и изяществе с Чёрным Цветком. Амбиции зодчих, казалось, простирались до самого неба. Жил ли кто на верхних ярусах сейчас? Или они были заброшены, отданы птицам, птеродактилям и прочим тварям, имевшим крылья?

– Внутрь камня, – хмыкнул Грав, упёршись в выщербленные ступени, ведущие к бесконечным галереям развалин. Он огляделся, рассматривая растущие до небес горы, окинул взглядом вихляющие улочки и раздул ноздри. – Тут кругом камень!

Когда Клыккарь вернулся, Саад всё так же сидел за столом, только камни теперь были разложены по цвету и форме. Грав поставил на тумбу корзину с разной снедью, а на протесты пастуха ответил, что это его скромный вклад в их же пропитание.

Пастух хитро улыбнулся, а Грав решил не рассказывать, как петлял по Тирха, словно слепой вайнуру. Он проскользнул в комнату, тихонько позвал Ашри, но та не ответила – наверное, спала.

Пузырьки с эликсирами заняли своё место в кармашках жилета и сумок. Часть, предназначенная элвинг, была оставлена на столе. Закончив с этим, Грав сделал шаг к спящей Ашри. Дыхание её было чуть слышным, но ровным. Мышцы расслабились, разгладилась морщинка на лбу, лицо, измождённое и с царапиной на щеке, казалось, почти детским. Крестовины зрачков спрятаны под веками, разрушительное Пламя Бездны сокрыто глубоко внутри. Тхару смущали и пугали её необычные глаза, но во сне элвинг выглядела вполне обычной, особенно для Мэйтару – земли бистов и полукровок, где чего и кого только не встретишь.

«Интересно, – подумал Грав, – какой она была до того, как в ней пробудилась сила? Или печать Бездны проследовала её с самого рождения и навязчивым зовом звучала в голове, мотая по миру, пока не привела сюда – на самый край света, поближе к легендарным Вратам»? Кто она? Пепельная птичка, способная стать драконом или ещё одна сломанная жизнь, которой больше нет места нигде, кроме как здесь – среди таких же изгоев и скитальцев.

Клыккарь вынул из сумки свёрток и положил так, чтоб элвинг его нашла, когда проснётся. Подношение её пузным лягушкам – акт сродни задабриванию Мэй.

Грав усмехнулся, закрывая дверь. Дары не избавят от ворчания, но сытое брюхо – добрее пустого.

– А где ваша супруга? – поинтересовался Клыккарь, возвращаясь на кухню.

– Вместе с детьми на той стороне, – заметив удивление и смущение на лице гостя, Саад посмешил пояснить: – Дома. Второе крыло – для постояльцев. Там и харчевня, и комнаты.

– Понятно, – облегчённо улыбнулся Грав.

– Я как закончу тут, тоже наведаюсь к ней, а после и время выводить кулу наступит.

– Что это за камни? – не удержавшись, Грав подался вперёд, кивая на мерцающие самоцветы. – Не видел раньше таких.

– Или просто не обращал внимания. Для тех, кто ищет сокровищ, они слишком малы и невзрачны.

– Теперь обратился, – осклабился Грав. – Расскажите?

– Слышал о каплях Пламени? – пастух выбрал несколько камней и пододвинул к гостю. – Никто не знает как, но иногда в пустыне можно найти самоцветы, гладкие, словно застывшие слёзы.

– Что-то типа рубинов Хронографа?

– Что-то типа, – кивнул Саад. – Но чистый Варме сейчас встречается реже, чем моолонг. Как и целые капли. А вот мелкие осколки... Видишь, в каждом цвет намешан или разбавлен.

Клыкарь покрутил камушки. Для него они были не более чем блестящими побрякушками, хотя, возможно, чего-то и стояли. Пастух был прав, увидь их Грав – принял бы за безделушки, что в избытке лежали на прилавках у торговцев дешевыми украшениями.

– Говорят, это камни душ существ, кааргов, способных бродить меж мирами. И если знать верное слово, их можно пробудить.

Грав словно в холодный омут окунулся. Живо предстала перед глазами элвинг, подносящая к губам украшенный камнями рожок и дыханием поднимающая из песка огромного косматого волка.

– Но это лишь сказки, – подмигнул пастух и указал на несколько камушков. – Кто-то из них сгодится в часы, кто-то – в амулет от сглаза или талисман любви, но большая часть пойдут на серёжки и колечки. Маленькие помощнички-итари позаботятся о своих хозяевах.

Саад говорил о камнях, как о живых существах. Неужели он правда верил в то, что внутри этих стекляшек прячутся души иномирных скитальцев?

– Твоя подруга как к этому? – спросил пастух, прервав размышления Грава. – Какие любимые?

Клыкарь, застигнутый врасплох, пожал плечами:

– Да она вроде только поесть любит.

Саад усмехнулся.

– Но зато часто и много, – зачем-то добавил Грав.

– У неё на браслете камень из тех, которые во всём Тиарах не найти, заколка и кафф из лунной стали, а дракон на кинжале сверкает рубиновыми глазами.

Грав напрягся – уж слишком точно подметил всё Саад.

– Да и ты, я смотрю, не чёрствый рогалик в кармане на память таскаешь, а зверя северного с изумрудами, – пастух усмехнулся. – Так что камень и металл лучше всего запечатывают воспоминание, – он прищурился. – Хорошее или плохое, – и бросив взгляд на столешницу, добавил: – Доброе дерево тоже сгодится.

– Или шрамы и узоры на теле, – не остался в долгу Клыкарь.

– И они тоже, хотя о некоторых таких подарках мы и не просим.

– Необычный орнамент, – кивнул Грав на руки пастуха. – Он что-то значит?

– Всё что-то значит, – ответил Саад и взял очередной камень.

– Она ведь была здесь? – Клыкарь прищурился, и взгляд вспыхнул угольками.

– Тут много, кто бывает, – улыбка пастуха была открытой, голос спокойным, а глаза оставались непроницаемы.

«Как же к нему подобраться, – думал Грав. – Нельзя же припереть к стене того, кто спас тебя. И в морду не двинешь, пишу у огня делили. Придётся не наседать».

Он подвинул камни обратно, постучал пальцами по столешнице и спросил:

– Как долго ещё продержится эффект сонного корня?

– Пара часов у тебя есть.

– Вы уже и так сделали для нас много, но я б хотел попросить ещё об услуге.

Пастух отложил последний камень, ссыпал их по разным мешочкам, вынул из глаза линзу и убрал всё в шкатулку. Клыкерь выдержал паузу, но не дождался ответа, и потому просто спросил:

– Что такое Тау Амели и Арпанлия?

– «Лабиринт» и «Библиотека» на языке древних. Сеть и Архив.

– А где вход в Архив?

Саад нахмурился и тряхнул головой:

– Вход в Архив? – переспросил пастух, и по его лицу начала растекаться улыбка. – Вход в Архив! – он хлопнул ладонями по столу и рассмеялся.

Смеялся хозяин долго, закинув голову, да так громко и неистово, что Клыкерь подумал, как бы с пастухом припадок не случился.

– Давно я так не веселился, – успокоившись, Саад смахнул слёзы с уголков глаз. – Вот так шутник!

Грав наморщил лоб и сжал зубы, даже пальцы сомкнулись в кулак от напряжения.

– Не злись, – добродушно сказал пастух. – Просто вход в Архив везде. Это как спросить, где песок, стоя в пустыне. Или поинтересоваться на палубе корабля, где вода. Вот мне и стало смешно, что ты смотришь и не видишь, глядишь, как ротозей на облака. Архив... Ближний, дальний, заброшенный, восстановленный, – Саад загибал пальцы. – Восточный, западный, северный... Это для вас он просто Архив, а для нас – Сеть, лабиринт, паутина. Куда именно ты хочешь попасть? Я понял, что внутрь костей псов, но как далеко?

– Туда, где была последняя битва Наак и королевы Куфов.

Тень скользнула по лицу хозяина дома, стирая улыбку и унося веселье.

– Это – лишь легенда, – сухо проговорил Саад.

– Любая легенда рождена из были. Может, книжник Шаара мне сумеет помочь? Отыскать легенду, в которой звезда юга поёт о севере...

– Отражаясь в морозном камне, – завершил фразу Саад и задумался.

Его острый взгляд буравил Грива, будто перед Саадом был не тхару, а самоцвет, и пастух выискивал в нём трещинки и дефекты.

– Она не знает, – наконец произнёс он, и слова звучали скорее как утверждение, чем вопрос. – Ведь так? Твоя подруга не в курсе.

Клыкерь поднял голову и посмотрел в глаза пастуху. На миг его глаза вспыхнули как потревоженные угли. Саад моргнул:

– И про кровь твою тоже.

Пастух помолчал и добавил:

– Когда я нашёл вас, то надеялся, что *Ей* не удалось заключить сделку. Потом гадал, кого *Она* выбрала. Значит, тебя... Что ж, – Саад замолчал, размышляя, и, приняв решение, продолжил: – Я не знаю ответ на твой вопрос, но я покажу, где ты можешь его найти. Мой кровник присматривает за книгохранилищем.

– Он и есть книжник Шаара? – Грав усомнился совпадению.

– Это – не имя, скорее функция. Книжник Шаара хранит знания. Он слуга молчаливых мудрецов. Я сведу тебя с ним, а дальше ты сам.

– О большем я не прошу.

– Тогда дай мне минуту и жди у чёрной двери, – Саад лукаво усмехнулся. – Заодно покажу короткий путь внутрь камня.

Грав поднялся и вышел.

Оставшись один, Саад смотрел, как по столу ползёт тонкий луч света. Стоило солнечному зайчику запрыгнуть на ладонь, как пастух ухватил его, сплёл пальцы так, что в его ладонях засияла звезда. Тхару прикрыл веки и беззвучно зашевелил губами.

* * *

Чёрная дверь, невысокая и неказистая, больше походила на вход в чулан или подвал. Клыккарь пришлось изрядно пригнуться, чтобы пройти через неё вслед за Саадом. Они словно нырнули в ночь, и лишь через несколько шагов до них дотянулись фонари подгорного города.

– Вот я болван! – воскликнул Грав, не удержавшись. – Как бешеный гвар оббежал весь Тирха, а дверь была под носом!

Саад рассмеялся, похлопал биста по плечу и по-отечески добавил:

– Каждый может ошибиться, но не всякий способен признать это. И ты не болван, коль усвоил урок.

Дом Саада вплотную врос в камень, приземистый и вытянутый: три комнаты в левом крыле – для него и семьи, пять в правом – для постояльцев. Каждая часть – со своим выходом на улицу и внутрь гор. Вырубленные в камне лабиринты тоннелей нанизывали на себя дома, словно затейливое ожерелье, не уместившееся в шкатулку. С одной стороны – жар пустыни, а с другой – прохлада камня. Коридоры-улицы, лавки торговцев, многочисленные входы и выходы, переплетения... И среди них – скромная неприметная арка, ступени и дверь в общественную библиотеку. Вот там и работал кровник Саада с непроизносимым именем Т'хаварха'агр, но понятным прозвищем – Книгопут. Он показал Клыккарю бесконечные полки, объяснил порядок получения книг и снабдил хрустящим формуляром из сложенного вчетверо листка.

Насколько понял Грав, это была одна из многих библиотек, к которой примыкала книжная мастерская. В ней можно было заказать список любого приглянувшегося свитка, страницы или фолианта. Был тут и магазинчик, в котором продавались экземпляры попроще.

С порога логово Книгопута не произвело на Грва впечатления, наоборот, показалось куцым провинциальным архивом. Разочарование гостя не укрылось от хозяина, а вот ответная хитрая улыбка книжника насторожила. И не зря! Стоило миновать первый бастион стеллажей, нависающих вокруг кафедры библиотекаря, как сердце ухнуло в пятки: бесконечные ряды шкафов тянулись, растворяясь во мраке. В зале несколько каменных столов, скамьи, колонны, поддерживающие свод с выточеными узорами и картинами, а на почётном месте на вычурном пьедестале – водяной хронограф. Грав засёк час, чтобы вернуться до пробуждения Ашри.

Книгопут переглянулся с Саадом, и лишь дождавшись кивка пастуха, произнёс:

– Три лани, – библиотекарь даже не скрывал удовольствия от растерянности гостя.

– Что ж, – Саад приложил руку к сердцу. – Тогда я вас оставляю, – и, подмигнув Граву, добавил: – Найдёшь дорогу обратно?

– Теперь – непременно, – усмехнулся Клыккарь и расстегнул кошель.

Он молча отсчитал деньги, пребывая в задумчивости и пытаясь сообразить, с чего же начать.

– Книги легенд и карты начинаются с шестой секции, – мягким приглушённым голосом изрёк Книгопут, вручил мешочек и плавно повёл рукой в нужную сторону, указывая направление.

Грав заглянул внутрь – шарики, сухие и бурые, как старые сухари.

– Очень заботливо с вашей стороны, но я ненадолго, – он запустил руку, достал несколько и положил в рот.

Вкус был похож на сухой мох вперемешку с глиной и водорослями, но Грав решил, что не стоит критиковать местные обычаи.

Книгопут поднял брови, скривил рот, кашлянул в кулак и указал тонким длинным пальцем на мешочек:

– Это для альвий.

– Альвий? – Грав покосился на библиотекаря.

Тот постучал ногтем по щеке и озадаченно вздохнул:
– Что ж, не всяк вхож в храм знаний, как к себе домой.

Вернувшись, Клыкарь осторожно заглянул в комнату. Ашри не спала – сидела на кровати, поджав ноги, и читала книгу легенд.

Грав оставил свёрток на столе, присел рядом с элвинг и протянул подруге ярко-красный приплюснутый шар:

– Драконий хвост, – Клыкарь усмехнулся. – Торговец клялся всем песком Мэй, что нет ничего вкуснее, чем экзотический фрукт из дальней Империи Дракона.

Ашри отложила книгу и принялась чистить кожуру. Комнату окутал свежий и сладкий аромат, от которого рот тут же наполнился слюной. Под алой кожурой по спирали были уложены розовые дольки, чем-то и правда напоминающие свёрнутый в клубок хвост змея. Элвинг разломала фрукт и протянула половину Граву:

– Кажется, придётся вернуть тебе пять «драконов», – хмуро произнесла она.

– Что за глупость? – фыркнул бист и чуть не подавился.

– Я не знаю, что произошло, но я больше ничего не вижу, – голос элвинг дрожал и был полон горечи и обиды. – В таком состоянии я бесполезна. – Ашри посмотрела на свои ладони и сжала кулак: – Как я выполню свою часть работы, если...

– Я раздобыл кучу карт, – перебил её Клыкарь. – Так что найдём вход, выход и путь.

Элвинг покачала головой, шмыгнула носом.

– А если нет? Если Пламя не вернётся?

– Значит, поищем получше, – мягко улыбнулся Клыкарь. – Ты просто устала. Отдохнёшь, и оно вернётся.

– Я даже не слышу Нука, – вздохнула элвинг. – И...

Она сплела пальцы на застёжке косички, вжала подушечки пальцев в руну, но не решилась сказать. Она не могла убежать в воспоминания, как раньше. Словно все двери в мгновение закрылись, и она оказалась в тёмном бесконечном коридоре, совершенно одна. Никчёмная и беспомощная.

– Знаешь, если ты забыла, мы напарники. И ты – гораздо больше, чем просто фитиль для пламени Бездны, – Клыкарь накрыл рукой ладошку Ашри и сжал. – А теперь утри сопли и вставай.

Грав резко поднялся, сдёрнул элвинг с кровати и поволок к двери:

– Ты, кажется, хотела прогуляться, вот этим и займёмся.

– Но... – начала протестовать Ашри, утирая нос.

– Никаких «но»!

Клыкарь уже вытащил её за дверь, когда элвинг вцепилась в дверной косяк и завопила:

– Я не могу!

– Ха, – не слушал Грав. – Ещё как можешь! Ноги ж тебе тарии не обгрызли!

– Я. Не могу. Идти. Босая! – выпалила элвинг. – Дай мне обуться!

* * *

Торчащие из камня дома сменились низкорослыми светлыми постройками. Улочки плу-тали, как походка пьяницы, – никаких номеров и названий, сплошной хаос песка и камня, будто куличики в огромной песочнице. Вперемешку с примитивными постройками попадались осколки прошлого – обломки колонн, шербатые статуи, клочки дорог. Всё вместе выглядело как сто раз перешитая мантия короля на плечах батрака, где от дорогого сукна и атласа остались лишь заплатки. Но чем ближе к Энхар, тем сильнее был заметён след бывшего мира,

«осколки прежней тысячи лет», как принято говорить на Мэйтару, хоть Древние и покинули тхару намного раньше.

Мерный шорох наполнял каждый дом и закуток, но чем дальше Ашри и Клыкярь пробирались к руинам, тем больше нарастал шум. Вот впереди уже слышались голоса, ритмичный перестук молотов и хлопанье ткани на ветру. Очередная вертлявая улочка влилась в огромное пустое пространство. Центральная площадь бурлила: воздвигались шатры, разбивались балаганы, сооружались навесы и экзотичные конструкции.

– Похоже, мы как раз вовремя! – усмехнулся Грав, хлопнув Ашри по плечу так, что элвинг чуть не свалилась. – Местные гуляния посмотрим и себя покажем.

Клыкярь сплёл пальцы и хрустнул, предвкушая грядущее веселье.

Ашри не ответила, лишь по привычке накинула капюшон и зашагала, желая поскорее пересечь открытое пространство и вновь нырнуть в лабиринт руин и убогих домишек.

Приближался вечер. Орт сползал за горизонт, позволяя рассмотреть Най-Тиарах в медовом свете заката. Площадь с приготовлениями осталась позади. Поднявшийся сухой ветер принёс запах жжёного сахара. Ашри принялась, ища источник, и увидела дымок: у колодца на треснутой плите возились дети. С сильным тьякнанием вокруг них носился лохматый шар. Маленькие бистята развели небольшой костерок, водрузили над ним жестянку и жгли сахар, превращая его в карамель. Ёрзая, детвора ждала, когда лакомство приготовится, затем хватали его, перекидывая в ладошках как угли, а после остервенело перемалывали леденцы на зубах. Делали они это с таким аппетитом и счастьем на чумазных мордашках, что элвинг невольно сглотнула.

– Хочешь, заберу у них добычу? – зловеще шепнул Грав на ухо Ашри.

Элвинг застыла в тени веткекрута, узловатого и раскидистого (у неё было время ещё раз пролистать справочник), и стала наблюдать. Что-то привлекло её внимание, но что – Грав не мог понять.

– Хочешь изловить и съесть неповинное дитя? – Клыкярь вытер о бок плод таургана (его она тоже узнала из справочника), крутанув, разломил на две части и протянул половину элвинг. Когда он успел подцепить фрукт и где, для Ашри осталось загадкой. – Или же твоя цель – тот лохматый комок?

– Чани такие милые, – Ашри кивнула на толстолапый шерстяной комочек, который устал клянчить лакомство у детей и теперь бежал к элвинг.

Налетев с разбегу, чани ткнулся мордочкой в ботинок Ашри, оставив влажный след от носа и языка. Элвинг присела и запустила пальцы в мягкую шёлковую шерсть. Щенок заурчал и выкатил синий язык, не сводя взгляд с таургана.

– Ты такое ешь? – удивилась элвинг и опустила руку с угощением.

Чани в мгновение проглотил фрукт, вильнул хвостом и лизнул пальцы Ашри.

Она рассмеялась – язык щенка был шершавый, как щётка. Малыш тьякнул и уселся на зад, подняв передние лапки.

– Какая прелесть, – рассмеялась элвинг, когда неуклюжий щенок ловко забрался ей на колени, заставив плюхнуться на землю.

– Сопровляйся, – усмехнулся Клыкярь. – Не позволяй этому сгустку шерсти украсть твоё сердце.

Грав смотрел на элвинг, и улыбка сама собой расползлась по его лицу. Щенок вдохнул в Ашри радость, разгладил морщинку меж её бровей и заставил смеяться. Наверное, не стоит ей напоминать, что чани – не только защитники, пастухи, подушка, источник шерсти, но и в особо тяжёлое время – запас мяса.

Получив порцию ласки и удостоверившись, что больше никакой еды выклянчить не удастся, чани вернулся к своим маленьким друзьям, а элвинг поднялась, отряхивая песок.

– Они ведь их жрут? – вновь нахмурилась Ашри.

– Как догадалась? – любопытствовал Грав, протягивая ей половину от своей половины таургана.

– Это ж Мэйтару, – пожалала плечами элвинг, кусая фрукт. – Тут всякий норовит сожрать другого. Ну и на Лантру слышала, как хвалили мясо чани, вот только тогда я думала, это птичка или рыбка какая... – элвинг вздохнула. – А оказывается, они друзей жрут.

– То есть птички и рыбки тебе не друзья? – подначивал напарницу Грав.

– Если птичка меньше кайрина, то и мозгов в ней нет, – развела руками Ашри. – А хуже безмозглых друзей – только чрезмерно башковитые враги.

– Справедливо, – кивнул Клыкарь. – Что тут ещё скажешь: ваши стандарты выше Энхар, госпожа *Птичка*.

Грав рассмеялся, сгрёб за плечи Ашри, и они пошли дальше. Дети, завидев их, подхватили щенка и жестянку и скрылись в лабиринте улочек. Поравнявшись с колодцем, элвинг остановилась, присела и стала рассматривать выцарапанные в камне чёрточки. Они были похожи на кривые руны – детские каракули и удары стихии одновременно.

– Вот тут, – Ашри провела пальцами по этому хаотичному рельефу и показала Граву на выбоины. – Они как пометки в книге. А некоторые знаки похожи на те, что были вpletены в сигилы Оратуса.

Клыкарь присмотрелся, достал блокнот и сверил свои заметки. Ашри была права. Присев рядом с напарницей, бист дотронулся до трёх выемок, образующих вершины треугольника. Случайно его палец коснулся элвинг, и та, вздрогнув, отдернула руку.

– Всё время жду, что оно вернётся, – криво улыбнулась она. – И боюсь, что в самый неподходящий момент.

– Не бойся, – прищурился Клыкарь. – Меня всё детство угри били зарядом. Ничего ж, выжил.

– Это многое объясняет, – с ехидством кивнула Ашри и хихикнула.

– Вот ты зараза, – качнул головой Грав, пряча улыбку. – Я ей душу изливаю, а она...

– Вот тут ещё, – Ашри обошла колодец с другой стороны.

– Хочешь сказать, нам туда? – Клыкарь покосился на плотно закрытую крышку, прикидывая, как глубоко уходит в недра земли колодец.

– Нет, тут что-то другое. Не могу понять только, что.

– А вдруг под всем Мэйтару проложены тайные пути, связующие оазисы лабиринты, построенные Древними? – Клыкарь взглянул в глаза Ашри. – Только представь...

Очередной порыв ветра скинул капюшон с головы элвинг, взметнув лиловые волосы. Ашри зажмурилась, отворачиваясь от острых песчинок: дыхание Мэй обжигало, и теперь в нём плясал песок.

– Орхи почти добрались до внешнего круга, – крикнул проходящий мимо тхару, тянущий за собой беспокойного пятнистого гвара. – Укройтесь в шатару.

– Шатару? – Ашри повернула голову.

– Нам туда, – Клыкарь показал на группы тхару, спешащих к приоткрытым дверям приземистого длинного строения и исчезающих под его крышей. – Саад говорил, что вечером ждут орхмантиру.

– Тогда пошли, посмотрим, что в этих шатару, – взбодрилась Ашри. – Вдруг там кормят!

* * *

Шатару оказались длинными похожими на гварни домами, поделёнными на секции. Внутри было прохладно и темно, лишь редкие тусклые фонари лениво испускали слабый свет. Общая комната с лежаками сменялась зоной с восемью потухшими очагами, расположенными по кругу.

– Тут они режут щенков чани и поют гимны орхам, – шепнул Клыкерь элвинг, и та улыбнулась. Она ценила попытки друга взбодрить её и старалась не показывать, каково на самом деле ей оказаться без ненавистного дара.

Окон в шатаре не было, а отверстия в крыше закрывали пластины, похожие на огромные чешуйки. Одни тхару тихо перешёптывались, другие вели оживлённые разговоры, а кто-то весело смеялся, словно за стеной не рыскали демоны песков. Но за всеми этими голосами живых Ашри уловила ещё что-то – гул, тихий, поющий и берущий в кольцо. Шёпот, в котором не разобрать слов. Музыку, звучащую на одной ноте. И пока Ашри шла по шатаре, с любопытством разглядывая временное убежище, гул следовал за ней, опережал на шаг и нависал с обеих сторон.

Они прошли гварню, расположенное рядом отхожее место, минули ещё две зоны с тюфьяками и очагами и оказались в месте, где словно собралась большая часть укрывшихся.

– Это ж таверна! – гаркнул Клыкерь, обрадованный наличием лимры, вина и даже мишени для метания топоров. – Мечты сбываются!

Грав протиснулся к прилавку и принялся уточнять цены и правила поведения. Ашри тем временем, стоя чуть поодаль толпы, крутила головой, ища источник странного звука, окружавшего её со всех сторон, оплетающего вязким коконом тревоги. Она будто попала в улей с пчёлами. Всё вокруг начало крошиться, а мир расползлся, и сквозь осколки проступали липкие чёрные нити... Голова раскалывалась от назойливого чужого присутствия, руки сжались в кулаки. Весь мир свернулся до одной ноты.

– Эй, очнись!

Ашри раскрыла глаза и увидела Клыкера, который тряс её за плечи в тёмном углу. Тхару за его спиной шептались и вытягивали шеи, пытаясь заглянуть через спину северного биста.

– Ты чего? – элвинг заморгала, почувствовав во рту вкус железа, и прикоснулась рукой к губе – даже не заметила, как прокусила её до крови.

– На, вытрись, – Клыкерь сунул ей в руку салфетку, поспешно натягивая капюшон на макушку элвинг. – И успокойся. Оно вернулось.

Ашри посмотрела на кончики пальцев. Сквозь пятнышко крови сверкали лиловые искры.

Элвинг сделала глубокий вдох – один, другой. Сердце гулко ухало в ушах. Её переполняли радость и страх.

Грав тем временем ухватил за рукав пробежавшего мимо парнишку-подавальщика и, бросив монету, заказал две кружки хмельной лимры.

– Что случилось? – Грав наклонился к Ашри, прожигая янтарным взглядом.

Интерес тхару к парочке остыл так же быстро, как и вспыхнул: разве мало таких, у кого в бурю нервы сдали. Орхмантиру на всякое толкает, а пришлых в особенности. Многие заглядывали в шатаре, чтоб поглазеть на таких буйных. Но похоже, эти двое утихомирились: северный больше никуда не волок свою худую подружку, впавшую в раж и что-то бормочущую, а раз так – то и ждать нечего. Центр всеобщего внимания сместился на трёх бистов, решивших потягаться в метании топоров у мишени и поставивших на кон сверкающую реликвию с островов.

Грав слегка повёл ухом, вслушиваясь в голоса. Он сгорал от любопытства, что за артефакт навёл шороху. Но сейчас у него в руках была осоловевшая напарница, и бросить её в таком состоянии, а значит, и подставить под угрозу всё дело, он не мог.

– Рассказывай, – повторил Клыкерь.

– Ты его не слышишь? – Ашри устало прикрыла веки и потёрла переносицу. – Гул, как шёпот. Он везде. Сейчас стал тише, но мгновение назад гудело так, что...

Клыкерь осторожно взял элвинг за руку, и, держа за запястье, повёл за собой. Ашри не сопротивлялась. Она была рада покинуть эту шумную, набитую тхару часть шатаре.

Вместе они минули зал со спящими. В помещении с очагами уже пылали несколько огней, а вокруг них сидели бисты. Одни грели кувшинчики с лимрой, другие бросали в пламя

траву и беззвучно шевелили губами. Воздух пропитался запахами тел, еды, пряностей и растений, но вместе с тем оставался прохладным.

Грав остановился у стены, в тени за одной из подпорок, держащих крышу и навес с плетёнными корзинами. Он приложил ладонь Ашри к стене и отпустил. Элвинг удивлённо вскинула брови и отняла руку. Камень был испещрён крохотными отверстиями, со стороны совсем невидимыми – как проколы толстой иглы. Но присмотришься, и словно перед тобой отвесный песчаный берег, усеянный гнёздами стрижей. Шёпот шёл извне. Гудела сама стена.

Ашри глянула на Клыкря, ожидая ответа.

– В Най-Тиарах два типа домов: вырубленных из камня и слепленных из говна и палок. Вернее, палок-то и нет, а вот лепёшек кулу – хоть отбавляй.

– Со мной говорили лепёшки кулу? – обречённо выдохнула Ашри, скорчив гримасу.

– С тобой говорили орхи, – напустив на себя серьёзный вид, изрёк бист и оскалился: – Но через лепёшки кулу.

– А почему воздух холодный? – спросила элвинг, незаметно оттирая руку о штанину.

– Там кусочки холодовика. Воздух проходит через отверстия, охлаждаясь, а когда дует ветер, то камень поёт.

– Скорее, зловеще шепчет.

– Ты б тоже зловеще шептала, замуруй тебя кто в дерьме.

– Тут не поспоришь, – развела руками Ашри.

– В Имоле есть поющая стена. Там всё это устроено куда как эффектнее. Будем в тех краях – покажу.

Возникла неловкая пауза.

– Я рад, что ты в порядке, и всё твоё опять с тобой, – Клыкря почесал подбородок. – А теперь давай вернёмся в эту убогую таверну, я выпью пару-тройку местной бормотухи и покажу этим бездарям, как надо обходиться с топором.

– Не боишься, что и лимра у них из лепёшек кулу? – хохотнула Ашри, шагая следом.

Клыкря закатил глаза и парировал:

– А жаркое – из чани?

– В расчёте, – вздохнула Ашри, аккуратно заглядывая внутрь себя и обращаясь к Пламени.

Она чувствовала, что её проклятый дар вернулся, свернулся в клубок и притаился, восстанавливая силы. И вновь противоречивые чувства зароились в голове, пока голос Клыкря не выдернул элвинг во внешний мир:

– А как стихнет буря, пойдём изучать карты и планы руин. Может, повезёт, и уже завтра отправимся за этой хреновиной, а потом – обратно на Лантру.

– Или куда подальше, – пожала плечами Ашри.

– Можем и на Архипелаг, – Грав подхватил у подавальщика две кружки, напомнив, что оплатил их ещё в прошлой тысяче лет, и передал одну элвинг. – Если у тебя, конечно, нет других планов.

– Но только заказ выберем вместе.

– Решено!

Их кружки ударились, но звук потонул в гомоне толпы. Таверна превратилась с жужжащий улей: тхару оживились, слышались крики зазывалы: «Ставка – медяк, выигрыш – крутяк!», улюлюканье, басовитые бахвальства грядущей победой.

– Мне пора, – Грав залпом допил остаток лимры и подмигнул Ашри. – Пора надрать рога и зад этим южанам!

– Только не ввязывайся в драку, – крикнула в спину напарника элвинг, глядя, как тот протискивается сквозь плотное кольцо бистов и аллати, обступивших мишень.

Клыкарь был полон решимости доказать, что топор – это истинно северная привилегия, а заодно заполучить сверкающий золотом артефакт.

Глава 18. Черная Птица Тлаан Арх Нуун

Клыкарь морщился от каждого прикосновения Ашри, но, стиснув зубы, молчал. Элвинг злобно сдвинула брови и совершенно не ласково вытирала с лица напарника успевшую засохнуть кровь.

– Добрее надо быть, – не выдержав, проворчал бист. – Ты ж не ботинок чистишь.

Ашри фыркнула, отстранилась и ткнула пальцем в грудь Клыкаря:

– О! Я очень добра! – прошипела она. – Ты меня злой не видел!

Хоть их комната и находилась вдали от спален семейства пастуха, элвинг и бист старались не повышать голос. Но оттого раздражение Ашри было лишь сильнее. В свой шёпот, которому позавидовала б самая гремучая змея, она вложила столько яда, что Грав предпочитал не перечить. Он не считал, что дал повод его песочить, но допускал, что, возможно, малость перегнул палку и, возможно, слегка наломал дров. Но сожаления у него было лишь об одном: не уйди орхи обратно в белые пески, он бы успел сложить этих остолопов в ровную поленницу. А так... осталось некое чувство незавершённости.

Ашри продолжала ворчать, и методы её лечения явно наносили вреда больше, чем потасовка. Да и вообще – какая-то пара ссадин и синяков, чего она только на него взъелась? Клыкарь сморщил нос, аккуратно ощупал его – цел. Провёл языком по зубам – все на месте, но от разбитой губы во рту всё ещё привкус железа, словно не лимру пил, а обод кружки грыз. Клыкарь скосил взгляд, увидел на полу пузатую бутылку с неведомым пойлом, которую он прихватил, покидая таверну. Он уже было протянул руку, желая избавиться от мерзкого привкуса во рту, как бутылка исчезла, и пальцы сгребли пустоту.

– Вот какого Гаара ты полез в драку? – Ашри выдернула зубами пробку, нюхнула содержимое бутылки и закашлялась.

– Они неуважительно отзывались о Севере! – Клыкарь поднял указательный палец.

Он потянулся за бутылкой, но элвинг зашипела на него:

– Закрой глаза, – Ашри, не жалея, плеснула мутное пойло на тряпку и приложила к голове биста.

Клыкарь зарычал, выдернул бутылку из рук элвинг и сделал глоток. Горло опалило огнём: такой бурдой только врагов травить да животы насквозь прожигать!

– Север бы снёс их слова, а твоя рана опять открылась, – не унималась элвинг.

– Царапина, – хрипло уточнил Клыкарь и отпил ещё местного самогона. – Север, может, и снёс бы, но не я. Не хватало, чтоб эти рогатые недомерки поносили мою родину.

– Недомерки были на полголовы выше тебя! И их было трое!

Клыкарь промолчал, что кроме Севера те бисты имели неосторожность слишком вольно отзываться о его напарнице и их деловых отношениях. И он им вежливо пожелал заткнуться, пока он сам не заткнул им рты их же вполне определённой оторванной частью, если таковая у них вообще имеется. Нет бы последовать совету, крайне разумному и предельно вежливому, учитывая ситуацию. Но эти трое, на радость публике, решили проверить, хватит ли Граву сил и смелости воплотить угрозы. Что ж, до членовредительства не дошло, но говорить им точно пару дней не захочется.

– Видела б ты их, – хохотнул Клыкарь и схватился за бок, скривившись от боли.

Ашри смерила его оценивающим взглядом, но бист отмахнулся:

– Не сломано, – уверенно заявил он, но подумал, что возможно без трещины не обошлось.

Девушка покачала головой и, порывшись в аптечке, достала баночку с мазью, кривую иглу и нить.

Клыкарь скосил глаза на инструменты:

– Может, само зарастёт?

– Само оно не спешит зарастать с самого Лантру.

– Ни разу не видел тебя с иглой, – бист подозрительно глянул на приготовления.

– Да, – кивнула элвинг, подставляя ладошки, и Клыкерь плеснул немного самогона. – Когда все приличные девочки шили платья своим куклам, я предпочитала иные забавы. Но я неплохо надеваю червя на крючок и вспарываю рыбу.

– Вот успокоила так успокоила, – передёрнул плечами Клыкерь, прикладываясь к бутылке. – Вспарывать и без тебя желающих много. А с червём вообще нехорошие ассоциации в голову лезут...

Ашри улыбнулась.

– Мог бы не лезть на рожон. Ты же их и так уделал, выиграл эту странную штуку. Где она, кстати?

Клыкерь повернулся, так что стул под ним жалобно скрипнул.

– Не мог.

Ашри это знала. Да и слова бистов, адресованные ей, слышала. Не зря ведь в суматохе драки один из хамов лишился кошелька, а о голову второго, когда тот незаметно вынул нож, совершенно случайно разбился отличный глиняный кувшин.

Стул заскрипел – того и гляди развалится. Клыкерь наклонился, порывшись среди разбросанных вещей и выудил плоский, круглый, похожий на крупную монету предмет с пятью отверстиями по кругу.

– Это амулет? – поинтересовалась Ашри, разглядывая побрякушку и пытаясь оценить её в «драконах». – Золото?

– Ага, самое настоящее золото, – Клыкерь поймал отблеск тусклой лампы на вещице и постучал когтём по невнятному узору. – Вот только – золото дураков!

– Это ты про нас или про бывших владельцев? – усмехнулась Ашри.

– Это я про саму эту штуку. Она сделана из цавия – золота дураков. – Грав взвесил трофей на ладони. – Тяжелее, чем истинное, и дешевле в три кварты раз. Но эти пусторогие не знали, что это, а я знаю.

По лицу Клыкерея расплылась довольная улыбка. Ашри же скривилась, прикинув, что дураки в этой истории все.

– Обязательно расскажешь, но сначала я тебя зашью.

Грав неохотно смирился, вертя в руках трофей и попивая из бутылки вонючее пойло, которое уже не казалось таким уж и мерзким. Ашри выдохнула и сделала первый стежок.

– Знаешь, – начала она рассказ, чтобы успокоить скорее себя, чем пациента. – У меня на родине есть легенда, что когда-то всем пришлось изрядно постараться и пришить душу к себе, чтобы Чёрная Птица вновь её не унесла в другой мир. Чёрная Птица – это похуже Гаара. Гаар сидит в Бездне, а бисты его сто раз на дню помянут, он и не пошевелиться. А Чёрная Птица, Тлаан Арх Нуун, Пожирающая Память, или Та-Что-Уносит-Души...

Ашри вздрогнула и чуть не выронила иглу, впервые за долгие годы, произнеся это имя вслух. Но сделав ещё стежок, продолжила:

– Это ночной кошмар всех детей. Ведь она сначала выклёвывает воспоминания, так что ты забываешь всё и всех, кого любишь, а потом уносит душу. Даже истинное имя её было под запретом...

– А ей эти души зачем были? – поинтересовался Клыкерь, морщась.

– Она ими питалась. Каждое украденное воспоминание прорастало новым пером, и крылья её становились всё шире. По замыслу однажды их должно было хватить, чтобы обнять весь мир и навсегда лишить его солнца.

– Занятно, – задумчиво произнёс Клыкерь. – Пожирающая память, значит.

Хоть имя монстра вновь царапнуло её безотчётным детским страхом, Ашри воодушевилась интересом к её рассказу и отсутствием критики:

– В итоге, как только местный герой нашёл подходящую нить и иглу, все кинулись пришивать душу, которую до этого просто носили за спиной, как плащ. Все так спешили и волновались, что тыкали иглой как придётся.

Ашри сделала паузу, готовясь парировать колкость приятеля или сравнение её с этими дурнями из сказки, но Грав молчал – то ли слушал внимательно, то ли погрузился в какие-то свои мысли. Элвинг пожала плечами и продолжила шить и рассказывать:

– В итоге одни пришили душу к пяткам, другие к животу, третьи к сердцу, а некоторые растяпы перепутали и пришили или к чужому сердцу, или к своему, но чужую душу. В итоге так и жили: то искали свою в других, то «бабочек» ощущали меж рёбер, то тряслись от страха, так как вся их душа собиралась в пятках. А ещё у нас был Дыркошвейн – тот сшивал части разных существ. Неплохо, кстати, справлялся, но не был понят, – Ашри подёрнула нитку, поправляя стежок. – И местный пустынный Убийца Бронги, или как там звали этого портняжку из Аббарра, в подмётки не годился нашему...

Элвинг остановилась и критично оглядела шов, оставшись вполне довольна собою:

– Так что можно считать, что штопать и починять у меня в крови. А тебя я зашью с надеждой пришить тебе разум. Ну или хотя б залатаю дыру, чтоб остатки мозгов не вытекли.

Клыкарь не издал ни звука, словно и вовсе не замечал, что игла прокалывает кожу и стягивает края. Закончив, элвинг нанесла мазь и наклеила пластырь. Тогда Грав глянул на неё и серьёзно спросил:

– А где твоя душа, пепельная птичка?

Ашри замерла и выронила из рук иглу. В тишине ночи металл упал на каменный пол, издав тонкий мимолётный звон.

Бист рассмеялся.

– Дурак ты, Клыкарь, – сказала, насупившись, элвинг и подобрала иглу.

Грав развёл руками и допил остатки самогона, решив, что не так плохо пошло, как его запах. Думать о том, что и тут в производстве поучаствовали кулу, он не желал.

– Ну, раз с лекарством мы закончили, – Клыкарь хотел было встать, но покачнулся и рухнул обратно на стул, от чего тот затрещал. – Ну и крепкий же, зараза! – попытался отшутиться бист, не показывая вида, что весь мир перед глазами поплыл, а к горлу подступила тошнота.

И пойдя разбери было ли дело в той бутылке, которую он держал, или в той, что ранее, в таверне шатару опустилась на его голову, разлетевшись вдребезги. Удар из-под руки южного биста вышел не слабый, да ещё и стекло вспорол только успевший образоваться розовенький, как жопка силурийского младенца, шрам. Сейчас бы не помешал тот эликсир, который девка из Бездны ему давала. Надо этой дартаутиру хоть имя придумать. Как там Ашри назвала ту тварь? Та-бла-ну какая-то? Подходящее имечко. Пожалуй, так и будет её звать – без пафоса и по существу.

– Хотя задница у неё была что надо! – закончил в полный голос свой внутренний монолог Грав.

– Какая задница? – вскинула бровь Ашри, откладывая тряпку, которой протирали руки.

Клыкарь непонимающе глянул на элвинг, мотнул головой и упрямо поднялся опять. Но, сделав шаг, начал заваливаться, удивлённо осознав, что утратил контроль над телом.

Ашри подхватила его, приняв вес на себя:

– Ты тяжёлый, как грузёный гвар! Топаи в кровать.

– Как ты говоришь, звали птицу? Бла-гла-ар... Нун? – еле ворочая языком, спросил Клыкарь.

– Тлаан Арх Нуун, – ответила элвинг, стараясь не свалиться под весом друга. – Только не произноси...

– Тлаан Арх Нуун! – тщательно выговорил Грав. – Я так и сказал.

Ашри закатила глаза, разворачивая Клыкря в сторону кровати и пытаясь задать направление.

Клыкря рухнул на лоскутное покрывало, а элвинг возблагодарила случай, что комната оказалась столь мала, и бисту потребовалось лишь два шага, иначе её позвоночник сложился бы под этой тушей, как подзорная труба.

Избавившись от ноши, Ашри шлёпнула Клыкря по плечу и зло прошипела:

– Нельзя произносить истинное имя Чёрной Птицы трижды за ночь, иначе она явится и выклюет душу того, кто её призвал.

Клыкря оторвал голову от подушки, кое-как сел и вознамерился сползти на пол, уверяя, что вполне может заночевать на полу, уступив даме кровать. Но элвинг была непреклонна:

– Я весь день провалялась, так что твоя очередь, – уперев руки в плечи друга и удерживая его от падения (упади он, поднять будет вне её физических возможностей), заявила она. – Гляну ещё на книги, что ты притащил, – и, понизив голос, рыкнула: – Так что не спорь! Только сними рубаху и разуйся.

Грав смирился, кое-как скинул сапоги и стянул рубаху, умудрившись запутаться в ней.

– Так-то лучше, – стягивая перепачканную кровью одежду, кивнула элвинг и критически глянула на ссадины на боках Клыкря. – Завтра будешь синий, как чавуки.

Она подождала, пока дурная и побитая голова Клыкря вновь коснулась подушки, и прислушалась. Казалось, бист тут же провалился в сон, что было неудивительно. В отличие от неё, Грав весь минувший день провёл в поисках книг, лежавших сейчас на столе, а вечер и добрую треть ночи слонялся вместе с ней по Най-Тиарах и шатару, так после ещё и учинил драку в убежище. А до этого тащил её, Ашри, по пустыне. Сколько он вообще не спал?

Аккуратно, чтобы не разбудить, элвинг накрыла Клыкря одеялом и повернулась, собираясь уйти. Но тут Грав ухватил её за руку, рывком притянул к себе так резко, что она потеряла равновесие и, развернувшись, чуть не клюнула носом в его макушку.

– Почему дурак? – сонно шепнул бист, приоткрыв один глаз.

Ашри усмехнулась:

– Потому что окажись та бутылка крепче твоей головы, весь этот путь был бы напрасен.

– А, – протянул Клыкря зевая. – Беспокоишься обо мне.

– Не люблю терять «драконов» и напарников, – фыркнула Ашри.

– И не надо, – пробубнил бист и отрубился.

Ашри осторожно высвободила руку, поправила сползшее на пол одеяло и глянула на зажатый в кулаке биста блестящий трофей, приложенный к шишке на голове.

– Всё равно дурак, – и, подумав, добавила: – И золото у тебя дурацкое.

Погасив лампу, она ухватила плащ, выскользнула за дверь и на цыпочках пробралась к выходу.

* * *

А где твоя душа, пепельная птичка?

Ашри взглянула в звёздное небо и подумала, что не знает ответа на этот вопрос. Она сидела на широкой ступени у двери в дом Саада и смотрела туда, где окраинные дома мешались с необъятной далью песка.

Может, Эб найдёт её душу. А может, Ашри не встретит её никогда. Элвинг ощущала эту пустоту – как тёмный омут под чернильной гладью озера. Нить, которой когда-то была пришита её душа, давно истлела, стежок за стежком, беда за бедой. Может, она, эта нить, окончательно лопнула тогда, в пламени корабля, и Чёрная Птица сожрала её душу вместе с надеждой на покой и искупление. А может, ещё раньше, когда обвалился Хребет Дракона, открыв путь из Пугатона во внешний мир. Или где-то между всем этим, на воздушном корабле, стоило ей

коснуться проклятого барельефа и окончательно пробудить в себе Пламя? Или всё это – лишь дурацкие сказки её родины, а сама она просто размякла под тяжестью потрясений и волнений последних дней.

Ашри поскребла затылок и обнюхала себя: было б неплохо принять ванну или хотя бы душ из пары вёдер воды, а то скоро от неё начнёт разить, как из пасти Нука. Словно в подтверждение этой мысли, зачесалось плечо. Но тут было так спокойно и хорошо, что элвинг даже двинуться было лень. Она посмотрела на небо. Орт не спешил разгонять тьму, ночь растянулась вереницей воспоминаний. Эти фрагменты плыли образами и отпечатками чувств, цепляясь за призрачный свет звёзд, за блестящие песчинки перетёртых Энхар, вспыхивая лиловой искрой на браслете... Ашри смотрела на этот танец памяти, раз за разом останавливаясь на одном фрагменте – оранжевый свет, не опаляющий и не согревающий, то берущий её в кокон, то сжимающийся до искры на ладони. Казалось, закрой глаза и увидишь то, что занозой засело в разуме. Но стоило сомкнуть веки, и мир погружался в темноту, в тот самый неподвижный омут, под обманчивой сонной пеленой которого притаился самый страшный из монстров – неизвестность.

Время будто остановилось, Дархи Тау лёг в дрейф и взмахнул своим плавником, лишь когда из темноты вынырнул Нук. Пёс притрусил с грацией криволапых миронгу к Ашри, припал на передние лапы, лизнул шершавым языком щеку элвинг, обдал зловонным дыханием и скрылся обратно, растаяв в ночи. В следующий раз чани появился уже вместе с хозяином. Саад опустился на плиту рядом с элвинг, раскурил трубку и кивнул на слегка побледневшее небо.

– В Най-Тиарах есть один секрет, – пастух хитро улыбнулся, захватив в свои сети внимание элвинг. – Когда оазис сиял, Древние и их последователи соорудили множество чудес, что были призваны поражать не красотой своей, а пользой. Истинные инженеры видели её не в блеске золота и камней, а в механизмах, творящих волшебство каждый день. Истинная магия – забота обо всех и каждом.

Ашри слушала, глотая каждое слово, и перед ней оживал Тиарах, его дух, пришитый к горам и пескам, к вытянутым непримечательным домам и руинам, привязанный к шерсти кулу и памяти жителей.

– Тиарах был, как морская раковина, торчащая из песка: верхушка на поверхности и бесчестное множество витков под землёй. Запертые чертоги Древних, в которых всё ещё бьётся сердце старого оазиса, и продолжают работать машины, построенные из металла, камней, Пламени Бездны и амбиций тхару. Как только эти машины остановятся, оазис превратится в пыль.

Саад выпустил колечки дыма. Они полетели вверх, тая, пока не смешались с серым воздухом, предвещавшим грядущий рассвет.

– Никто не может найти дорогу к механизмам, но всякий может воспользоваться их дарами, – пастух подмигнул. – Сейчас самое время, чтобы наведаться в Азурные купальни. Вода будет ледяной, но никакой толкотни. Я не скажу, что жители Най-Тиаараха изнежены и расточительны, но для многих поход на омовение – это не только способ очищения. Это добрая возможность обогатиться последними сплетнями и слухами да заключить сделки повыгоднее. Кто ж такое упустит? – Саад улыбнулся. – А вот всякому, жаждущему уединения, лучше потопиться. Говорят, воды подземного Дракона на границе ночи и дня способны освежить тело, раскрыть разум и очистить дух.

И словно читая мысли элвинг, Саад добавил:

– За скромную плату на входе получишь кусок мыла, свежее полотенце и кувшинчик отличного взвара на выходе. Не пожалеешь.

Ашри сначала смутилась, что провоняла до степени, когда из советов первойшей – принять ванну, но тут же горячо поблагодарила пастуха, ведь этот совет в этот самый момент был самым нужным.

* * *

Азурные купальни оказались внушительной постройкой в духе старого южного зодчества – массивные колонны соседствовали с тонкой резьбой по камню, создавая иллюзию кружевных бортиков и застывших на ветру вуалей. Подобное сочетание «земли» и «неба» было характерно и для Аббарра. Зодчие древности и их последователи играли с камнем, с одной стороны демонстрируя мощь и основательность Энхар, крепость горной породы, самих костей мира, а с другой – показывая мастерство, способное изменить саму суть материи, соткать иллюзию невесомости. Со временем эта традиция уступила более простым формам, но бытовало мнение, что причина крылась в ином: Пламя Интару, синтез материи и воображения, синего и жёлтого истока, стало уделом культа и воинов, не выбираясь за пределы алтарей и битв. Среди ремесленников поубавилось тех, кто владел сияющим Азуром, и хоть их Искра сияла ярко, им не хватало Силы всецело воплотить свои замыслы. Они стали ограничены бытием, запершим фантазию в клетку возможностей.

Тем не менее тут, в Азуровых купальнях, былой симбиоз Духа и Силы ощущался всецело.

Но Ашри не знала истории Тиараха, не дышала его легендами и не была посвящена в такие тонкости, как истоки и потоки Пламени. Она просто с любопытством разглядывала детали и мозаики, удивляясь, что Древние так заморочились, обустроивая место, где любой тхару за скромную плату мог мочить свой зад. Задумывалась о том, как же тогда выглядели покои наместника оплота. А его цитадель? И даже прикидывала, сколько всего ценного могло сохраниться с тех пор, и как хорошо всё это охранялось.

Эти мысли тёплом растекались по телу элвинг, но реальность вернулась зудом в голове. Отыскав взглядом меж колонн дверь, Ашри поправила небольшой мешок со сменной одеждой на плече и направилась к входу, где в большом изящном кресле сидел сонный бист, укутанный, точно в кокон, в многоярусную светлую тунику-халат. Материя слегка мерцала в свете ламп, отливая янтарным золотом; тонкий узор змейкой струился, то выныривая, то вновь, скрываясь среди складок. У ног биста спал огромный пёс чани раза в два крупнее Нука, который лишь приоткрыл один глаз, взглянул на элвинг и вновь погрузился в бдительную дрему.

За четверть «лани» смотритель велел Ашри разуться и нацепить на ноги плетёные сандалии, потом выдал хрустящее полотенце с лёгким ароматом ванили и предложил выбрать мыло по вкусу. Девушка нерешительно замерла перед развалом разноцветных брусочков, перенюхала сортов десять, пока не остановилась на тонком аромате дикой розы. Что-то в этом прохладном и пленительном запахе показалось ей знакомым. За дополнительную плату можно было приобрести и чудодейственное масло. Ашри не удержалась и вот, сжимая две бутылочки (одна – для воды, вторая – для тела) «восхитительной эссенции красоты», таща за шнурок мыло, как мышь за хвост, и перекинув через плечо полотенце, она направлялась к кабинкам, где были расположены изолированные перегородками ванны из белого камня, а вода вытекала из золочёных кранов, выполненных в виде морд разных тварей. Сверив номерок с полученным, она вошла внутрь и опустила защёлку. Оставив чистую одежду и полотенце на заботливо установленной скамье, элвинг шагнула к бортику и вылила содержимое одной бутылочки в воду каменной купели.

В доме Саада тоже была скромная душевая с кабинками, и даже стены были выложены мозаикой, что придавало уют и колорит. Ашри не успела её опробовать, но из рассказа пастуха знала, что чем ближе к утру, тем холоднее вода. И, похоже, сейчас была самая что ни на есть поздняя ночь, принимающая форму наираннейшего утра, ведь ледяные струи хлестали элвинг, словно лезвия холодовика. Кровь спящего Дракона, струящаяся из самого нутра земли, была холодной, как его разбитое сердце. Но Ашри была счастлива смыть с себя песок и всякую память о пустыне. Она старательно тёрлась куском мыла и когда сочла себя достаточно чистой,

выключила душ и шагнула через бортик, погружаясь с головой в благоухающую воду, которая после ледяных струй казалась даже тёплой. Вынырнув, элвинг откинулась на край и взглянула вверх. Высокий свод тонул в полумраке. Сложно было представить, для чего Древним понадобился такой размах. Может, когда-то весь этот воздух над головой заполняли хитроумные флуоресцирующие шары или гирлянды клеток с заточенными в них живыми светильниками, а может, на тонких нитях вниз свисали грозди огней, превращая синюю мозаику в подобие звёздного неба.

Ашри выдернула пробку из второй бутылочки и нанесла немного прозрачной эссенции на волосы. Приятный аромат окутал её, по телу растеклась волна блаженства. Веки отяжелели, и совершенно невозможно было сопротивляться сладкой истоме.

Должно быть, она задремала, а когда очнулась, то продрогла до самых костей. Не смыкая век, она медленно опустилась с головой в воду, намереваясь на этом завершить омоложение. Но какое-то смутное чувство тревоги заставило её открыть глаза... По ту сторону за рябью воды, над ней нависала чёрная тень. Элвинг удивлённо вскрикнула, но звук превратился в пузырьки воздуха.

Ухватившись за бортик, Ашри попыталась выбраться, но тень столкнула её руку и что было сил надавила на плечи, впиваясь острыми когтями в кожу, не давая подняться и сделать вдох. Ашри забилась, скользя по плитке, не находя опоры и опускаясь на самое дно. Воздух закончился, в груди разгорался огонь. Вода разбивала зловещий силуэт на осколки, рассыпая на сотни перьев, искажая черты, превращая лицо в птичью маску с горящими, как раскалённые угли, глазами. Ашри задыхалась, в панике глотая воду. Из последних сил элвинг вывернулась, рванула вниз, а не вверх, ударилась плечом о дно, выскользнула из цепких когтистых лап, перевернулась и, оттолкнувшись ногами, вынырнула на поверхность с противоположной стороны.

Жадно хватая воздух и отплёвываясь, Ашри схватилась за бортик, подтянулась, перевернулась через него, упала на мозаичный пол. Кашляя, поскальзываясь, она кинулась к скамье, нащупала в ворохе тряпья кинжал и схватила за рукоять.

Откинув с лица пряди волос, Ашри огляделась – никого. Дверь заперта, никаких следов чужака.

– Это лишь сон, – шептала элвинг, пытаясь унять дрожь.

Дурной сон. Она просто уснула и чуть не утонула в этой изысканной луже. Чёрная Птица. Детский кошмар. Нечего было вспоминать в тёмный час Ту-Что-Уносит-Души.

Ашри опустилась на скамью, притянула колени к груди и сжалась в комок. Её бил озноб. Вода стекала с волос, ползла по телу, срывалась на синюю плитку. Капли блестели в мертвенном и холодном свете. Перед глазами на внутренней стороне век маячил чёрный силуэт. Стоило моргнуть, и он вновь нависал, расправлял крылья, сдавливал когтистыми лапами плечи, лишал воздуха и надежды. Страх проникал в кости.

А где твоя душа, пепельная птичка?

Ашри сжала кулаки, вонзив ногти в ладони. Вынырнув из оцепенения, элвинг опустила ноги на пол, почувствовала прохладу камня. Наощупь она нашла полотенце и кое-как вытерлась, чтобы окончательно не околеть в этом каменном ажурном склепе, потом кое-как натянула чистую сорочку и штаны. Пальцы одеревенели и с трудом справлялись с застёжками и шнурками.

Перед тем как открыть дверь, элвинг сделала глубокий вдох, пряча руку, сжимающую нож под небрежно наброшенным полотенцем.

Но залы и коридоры были пусты – ей встретились лишь несколько посетителей, спешащих принять ледяной душ, несущих на шнурке кусок мыла, а на плече – полотенце. На выходе всё так же дремал зарытый в золотые материи смотритель. Ашри спрятала нож за спину и бросила полотенце в корзину, обменяла номерок и сандалии на свои ботинки и, обувшись, поспе-

шила прочь. Ей хотелось оказаться сейчас рядом с единственным в округе тхару, которому она доверяла, и плевать, что он мертвецки пьян и храпит, как целая гварня.

Мгновение, и Ашри оказалась на вырубленной в скале улице, не зная, взошёл ли в большом мире Орт. А ещё ей было не ведомо, что мыльник, пришедший сменить воду в одной из ванн купальни, к удивлению обнаружил слегка початую бутылочку с розовым маслом. Он поднял шнурок от мыла и остановил взгляд на застывшей глади воды. Там, в каменной чаше, среди аромата дикой розы покачивалось маленькое чёрное перо. Но мыльник и не такое видел за пять квартал работы в купальнях. Бутылочку он убрал в карман, шнурок и перо кинул в мусорную корзину и, выдернув пробку, дождался, пока вся вода исчезнет в недрах Тиарах. А после, взявшись за щётку, бист принялся чистить азуритовые плитки, весело насвистывая.

* * *

Ашри вернулась в комнату, тихо притворила дверь и привалилась к ней спиной.

В невесомом, почти полностью растворённом в ночи свете лампы она различила очертания Грва, убедилась, что сон биста крепок, и вздохнула. Она ещё постояла какое-то время, умиряя стук сердца и дрожь в руках, а после осторожно на цыпочках шагнула к лампе, чуть-чуть повернула вентиль, разгоняя сумрак снаружи и внутри себя, и тихонько устроилась на стуле. Еле живой огонёк трепетал за стеклом, освещая небольшой пяточок вокруг. Ашри облокотилась и бессильно уронила лицо в ладони. Храп Гвара и жуткая вонь самогона действовали успокаивающе, а когда напарник что-то забормотал во сне, элвинг и вовсе улыбнулась, провела пальцем по корешку верхней книги, решив, что лучшее средство от кошмарных думок – работа и еда. Ведь рядом с книгами аппетитно пахли завернутые в пергамент вяленое мясо и сыр, заботливо оставленные Клыкарём, а в кувшине было достаточно прохладной воды, чтоб запить скромную ночную трапезу. Вот только аппетит исчез, как кулу слизнул, чего с Ашри случалось крайне редко.

Оставалась только работа. Первой книгой оказался сборник планов и карт оазиса. Элвинг переворачивала страницу за страницей, пока взгляд не зацепился за знакомое название «Оратус – Башня Журавля». Пошарив взглядом по столу и не обнаружив цунк, Ашри осторожно полезла в сумку. Старалась не шуметь, она аккуратно копалась в своих вещах, пока не натолкнулась на странный свёрток, в котором прощупывалось что-то твёрдое. Элвинг нахмурилась, пытаясь вспомнить, что она так бережно завернула в тряпицу и так глубоко запихала на самое дно. Внутри оказался плетёный фиал тонкой работы. Ашри удивлённо вытаращила глаза и легонько коснулась пальцем ажурного серебра.

И как она только могла забыть об этой красоте? Ни разу эта вещица даже не промелькнула в её памяти за всё время в Най-Тиарах. Но теперь каждое прикосновение к плетению и стеклу отзывалось яркой вспышкой чувств, ощущений, образов. Она вспомнила, что дала хозяину фиала слово. Вот только общая картинка расплзлась и таяла, как тает мираж, стоит лишь сосредоточить на нём взгляд. И главное, Ашри поняла, что это был не единственный провал. Каким-то непостижимым образом она лишилась фрагментов памяти. Словно кто-то вынул из мозаики крохотные кусочки – на расстоянии не заметишь, но стоит приглядеться внимательно, и видны чёрные провалы, дыры от вырванных мгновений жизни. И незнание, которое скрывалось за этой пустотой, пугало безмерно.

Волна безотчётного страха легла на плечи: Чёрная Птица успела лишить её памяти!

Ашри стиснула зубы, в глазах вспыхнули искры гнева. Пламя вернулось – девушка чувствовала его ток в своих венах, видела блеск в камне не браслете, ощущала жжение на кончиках пальцев. Может, удастся выудить шёпот из фиала? Вдруг вещица поведает свою историю и заполнит лакуны? Как же ей не хотелось полагаться на свой непредсказуемый дар! Но что ещё она могла?

Она закрыла глаза и запустила мелкие сети в этот бездонный омут тьмы. И первым уловом стал крохотный золотой самородок имени.

– Бина, его звали Бина, – прошептала Ашри и сильнее зажмурилась.

Тонкий запах зверя коснулся памяти. Перед глазами всплыл образ лохматых кулу с их сверкающей шерстью, тюков и расшитых одежд, копыт гваров, меряющих песок...

– Он направлялся в Тирха за шерстью...

Пальцы скользили по ажuru фиала. Как слепой перебирает узелки, дабы прочесть послание, так и Ашри пыталась найти в цветочном узоре застрявшие обрывки своей памяти. Она уловила тонкую нить, что скрепляла одно имя с другим, ринулась следом, но налетела на стену. Попытки прорваться за неё оказались напрасны.

Ашри шумно вздохнула, открыла глаза и покрутила фиал меж пальцев:

– Торговец из Чёрного Цветка, – свет отразился от кусочка перламутра внутри фиала и вспыхнул, освещая во мраке памяти имя. – Бина Дар Варун. Мы встретились в Башне Журавля, когда Дархи Тау замедлил свой ход.

Глава 19. Обмен и поиски

– Ммм, кто это у нас тут благоухает?

Ашри так и подпрыгнула. Клыкерьхватило реакции отпрянуть, иначе элвинг добавила бы к его ссадинам ещё одну новую, с размаха ударившись головой об его нос.

– Ты что творишь? – взъелась элвинг.

Грав потянулся, взял подругу за плечи и, уткнувшись носом в макушку, шумно втянул воздух.

– Интару тебя в гриву, – девушка вывернулась, отряхивая волосы. – Ты меня обнюхал?

– Не мог упустить такой момент, – промурчал бист. – От тебя пахнет элвинг!

– Я и есть элвинг! – сложила на груди руки Ашри.

– С этим можно поспорить, – Клыкерь жестом изобразил нетипично вывернутые в стороны уши и попытался было выписать формы в районе груди, когда в него прилетела одна из книг.

Ловко перехватив доверенное детище Книгопута, Грав сморщился, ощутив в боку неприятную тянущую боль и, чтобы скрыть это от напарницы, потянулся и уставился на обложку. Пробежав взглядом заголовок, Клыкерь неподдельно зевнул и положил книгу на топчан.

– От тебя зато несёт, как из помойной ямы, – буркнула Ашри.

Грав ещё раз зевнул, дыхнул в ладонь и сморщился. В памяти всплыл отвратный запах ночного пойла, которое словно пропитало его насквозь: выйди на луг, и цветы завянут. Видимо, от этого весь Мэйтару и превратился в пустыню – от Энхар до белых песков самогон на этом континенте варить совершенно не умели. Следом за тошнотворным запахом Грав ощутил жажду. И она тоже была в лучших традициях Мэй – изнуряющей.

– У меня во рту словно орхи обгадились, – шумно выдохнул Грав. Оглядевшись, он, отыскал кувшин с водой и сделал хороший глоток.

Ашри скривилась, жалея, что в этой камерке нет окон, и ждать спасения неоткуда. Клыкерь же продолжал бродить по пятаку между мебелью, как призрак, прикованный к своему могильному камню. Он то зевал, то потягивался. Элвинг следила за ним, пребывая в противоречивых чувствах. С одной стороны, глядя на следы ночной заварушки, которые переливались всеми цветами на теле друга, она испытывала жалость и сочувствие, но с другой... Ашри вспоминала, что этой драки можно было избежать, и тогда элвинг охватывала такая злость, что она была готова выдать порцию новых тумачков.

– Где моя рубаха? – наконец изрёк Клыкерь, почесал бок и оцупал синяки. – Ха, я пятнистый, как лесной кот!

Ашри покачала головой:

– Помойся, а то несёт от тебя, как от пропастины.

Грав зальбился, уже собираясь сказать очередную остроту, но мысль запуталась, висок пронзила боль, а слова стремительно раскатились и перемешались. Момент был упущен. Клыкерь лишь хмыкнул, затем поискал тряпку, что сойдёт за полотенце, нашёл в углу свою рубаху, заляпанную пятнами засохшей крови, и, насвистывая, вышел за дверь, даже не обуваясь.

Ашри же устало потёрла виски. Хоть она и не прикладывалась к злополучной бутылке, но и в её голове поселился десяток жужжащих пчёл. Спала она недолго и отвратительно: перед глазами то и дело вырастал чёрный силуэт, сверкали вспышки огней и плясал круг камней. Сейчас Азуровые купальни и Чёрная Птица казались отголосками чужого сна. И если бы не лёгкий аромат розы, она бы окончательно поверила, что это и было лишь плодом её воображения. Но... То, что монстр из детских кошмаров явился ей наяву, она тоже принять не могла.

Рыкнув от злости и бессилия, Ашри рухнула на стул и начала листать книги, поглядывая в листок со своими заметками. Но заметок было мало, и ничего полезного для дела она так

и не обнаружила. Это злило ещё сильнее. Ярость разгоралась внутри, сжигая остатки разума. Слова начали плясать, как растревоженные муравьи, буквы наползали друг на друга, планы и карты смешиваться в клубок линий, пятен и названий.

– Даже книги против меня! – в сердцах воскликнула элвинг, захлопнула и отпихнула книгу.

Чтоб хоть как-то отвлечься, Ашри прибрала разбросанные вещи, отложила то, что следовало постирать, собрала в кучу пустые бутылки, грязные бинты и остатки еды. Дошла очередь до топчана. Встряхнув одеяло, Ашри поймала на лету круглый амулет из цавия и положила на стол.

– И чего он в тебе увидел? – с любопытством всмотрелась элвинг в блестящую штуковину.

С одного края был скол, словно кто-то срезал кусочек.

– Похоже, тебя пытались сдать в ломбард, – Ашри коснулась пальцем гладкой ранки на металле. – Выходит, эти остолопы знали, что ты фальшивка. А раз так...

Элвинг вспомнила, какой ажиотаж вызвал поставленный на кон артефакт в таверне. Сколько невольных посетителей убежища рискнули испытать свою ловкость и силу и в итоге лишились монет. «Ставка медяк, выигрыш крутяк», – пьяно горланил один из троих заводил.

– Это была приманка, чтобы обобрать дураков!

Элвинг хитро прищурилась: она была довольна, словно крамкин, проглотивший чужой страх. Хоть одна из загадок решена! Почти... Хотя бы немного... Внутри проснулся знакомый зуд: хотелось быстрее расспросить Грава, подтвердить свои подозрения.

Ашри вынесла мусор, а на обратном пути заглянула в кухню, где с любезного разрешения Саада отщипнула веточку от одного из висящих веников. И вот теперь, прикрыв дверь, элвинг подождала траву и старательно окуривала тесную комнату, изгоняя зловонный дух вчерашней попойки и лекарственных экспериментов. За эти делом её и застал Грав.

– Приворот или отворот? – закашлялся бист, морща нос.

Ашри уже было кинулась с рассказом об амулете и том, что догадалась о мошенниках, как замерла с раскрытым ртом. Она уже привыкла к побитому пятнисто-полосатому торсу друга, который мелькал перед её глазами, но теперь бист превзошёл сам себя, лишившись по дороге из душевых и штанов.

– А одежда где? – смущённо спросила элвинг, глядя на босого друга, заматанного в куцее полотенце.

– Постирал, – как ни в чём не бывало ответил Клыкяр, прошёл к своим вещам, порылся и вытащил из сумки небольшой бутылёк, открыв который принялся намазывать ссадины, распространяя вокруг едкий резкий запах.

Чадающий дым травы смешался с тяжёлой вонью лекарства, породив нового монстра, бывшего наотмашь по обонянию.

– И когда это мы успели перейти на новый уровень? Без границ и приличий? – ворчала элвинг, косясь на приятеля. – Буянить, вонять и расхаживать без штанов.

– Гы, – усмехнулся Грав. – Как только стали делить эту прелестную комнату и паучий заказ. Как там говорится: в горе и радости, веселье и похмелье, пока выполненный контракт и поделённая добыча не разлучат нас.

– Или смерть, – фыркнула Ашри.

– Не, – отмахнулся Грав. – Мы же не охотники за головами, чтоб терять свои. Найдём артефакт, вернёмся в Аббарр, поделим «драконов», и можно разойтись на пару тройку вечеров.

Клыкяр ехидно подмигнул.

– Благо, этого недолго ждать, – усмехнулась элвинг.

– Ой не переживай за меня, ещё пару восходов Орта потерплю, – Клыкяр повалился на топчан. – Слушай, я там тебе флакончиков оставил, кинь синенький, а то голова раскалывается, а свои я уже прикончил.

Ашри улыбнулась, качая головой.

– Потерпит он, – она прищёлкнула языком, бросая эликсир. – Вопиющая наглость.

– Кстати, – Грав выпил зелье, смерил элвинг взглядом и очертил пальцем в воздухе круг, указывая на её одежду. – Тебе идёт.

Ашри смутилась, приглаживая широкий пояс-корсет, в который была заправлена светлая лёгкая сорочка с тонкой лиловой отделкой по вороту, в цвет глаз.

– И да, – продолжил бист. – Если тоже хочешь ходить без штанов, я ж совершенно не против. Ни в чём себе не отказывай.

Ашри показала не совсем приличный, но весьма красноречивый жест, и Граву осталось лишь пожать плечами. Девушка же отвернулась, чтобы не выдать смущение: всё-таки приятно иногда побыть элвинг, надеть чистую новую одежду, пахнуть розой и получать комплименты.

Задумавшись об этом, Ашри взяла свою куртку и встряхнула её. Что-то небольшое взмыло в воздух, описало дугу, и на излёте была поймано Гравом.

Клыкяр разжал ладонь.

– Что за жетон? – поинтересовался он, возвращая кругляш элвинг.

Ашри глянула: цветок, пузырёк... В памяти поднялись картинки лавки травника, милой несуразной аллати, чудесных булочек и данного обещания. Всего несколько дней назад, а такое чувство, что вечность прошла!

– Я ведь совсем забыла, – Ашри закусил губу, чувствуя, как горят уши. – Помнишь ту аллати с Лантру с детьми?

Клыкяр поднял бровь.

– У неё сначала подрезали кошелёк в порту, а потом ты отдал им билеты на «Белого Льва».

Бровь Грва поднялась ещё выше. Всё это уже давно упало на дно памяти и густо покрылось более важными делами.

– Ну вот её, эту аллати, зовут Амми, – продолжала рассказывать Ашри, торопясь, почти скороговоркой вываливая информацию, как рыбу из сетей во время лова. – Она с Севера и ехала на Мэйтару через Лантру. Хотя через что ей ещё ехать? На Мэйтару только с Лантру и попасть. Так вышло, что мы пересеклись в Аббарре. Представляешь, у неё там родня!

– И когда только успели? – ехидно усмехнулся Грав.

Элвинг замешкалась, решив, что подробности встречи бисту не стоит знать, и чтобы как-то собраться с мыслями и заполнить паузу, а ещё избавиться от этого дурацкого обещания.

– Мы случайно встретились, разговорились. Она хотела тебя поблагодарить лично и вот, – Ашри кивнула на жетон. – Она благополучно добралась, и теперь работает и живёт у дядьки лекаря, в лавке «Янтарник».

Договорив, элвинг выдохнула, словно сбросила с плеч давний груз.

– Амми, значит, – задумчиво сказал Грав, разглядывая кругляш. – Выходит, мазь та от неё была?

– Угу, – кивнула элвинг и добавила: – а дети не её. Вернее, её, но не дети. То есть дети, но сестры, а ей не дети. В общем, она без детей. Хотя с детьми, но не своими.

Клыкерь снова поднял бровь, изобразив на лице нечто среднее между удивлением и непониманием, и элвинг невольно скопировала его мимику, даже не отдавая себе в этом отчёта.

– Она им не мать, – подытожила Ашри. – И ты ей понравился. А ещё эти остолопы в таверне знали, что амулет не золотой!

Последняя фраза сама вырвалась, и элвинг запоздало прикусила губу, почувствовав себя полной дурой. И даже блеснувший амулет из цавия будто слал ей сигналы уже закрыть рот и замолчать.

Повисла тишина. Грав смотрел на Ашри, и под его взглядом та лишь больше занервничала.

– У тебя всё нормально? – спросил он и сел на топчан.

– Вполне, – тряхнула головой элвинг, отступила на полшага и упёрлась в стол, принявшись теревить подвеску на браслете, отчего та вспыхивала лиловым огоньком.

Клыкерь усмехнулся, встал, сделал шаг и оказался почти вплотную рядом с элвинг. От её волос всё так же пахло розой, и этот запах пробуждал воспоминания о дартаутиру. Но вместе с тем этот дикий цветок с северного склона Энхар придавал Ашри совсем другой шлейф. Никакой угрозы, опасности, роковой страсти – наоборот, что-то по-детски хрупкое и нежное.

Элвинг же не знала, куда деть руки, теревившие то браслет, то заколку на волосах. Она не решалась поднять взгляд и посмотреть в глаза приятелю, ощущая неясный стыд и неловкость за то, что не рассказала ему о лекарише раньше. А теперь он ещё и стоял так близко, что явно чувял её смущение. Да ещё эти шрамы и ссадины, и дурацкое предположение Амми, что они – пара...

– А ещё она отлично готовит, – промямлила элвинг.

– Что ж ты сразу не сказала! – довольнo оскалился Клыкерь, опуская жетон на столешницу. – Тогда непременно зайду к этой миленькой северной кошечке.

Ашри совсем издёргалась и, улучив момент, сгребла свои вещи и выскользнула за дверь, услышав вдогонку, как Клыкерь крикнул:

– Я, кстати, всем нравлюсь! Такой уж я очаровательный!

* * *

Когда она вернулась, Клыкерь сидел одетый, застёгивая ремень и распихивая по карманам бутылочки с эликсирами.

– Я обещал рассказать тебе про глаз соронага, – бист подбросил на ладони золотистый амулет. – И да, ты правильно догадалась. Та троица обчищала подпитых дурачков, ловя их на простом и самом понятном желании – испытать удачу, оказаться тем самым избранным, кто урвёт золотой куш.

Элвинг навострила уши и подалась вперёд. Вся неловкость испарилась, все путанные мысли и дурацкие думки исчезли. Схватив стул, она пододвинула его к топчану и оседлала, облокотившись на спинку и обратившись в сплошное внимание. Её глаза хитро мерцали, а

пальцы от нетерпения барабанили по полированному дереву. Она вновь превратилась в ту самую несносную и настырную девчонку, которая ради интересного приключения и золотых «драконов» готова ввязаться в авантюру, что подкинули судьба, Мэйтару и напарник. Клыкарь ухмыльнулся. Он был рад возвращению своей напарницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.